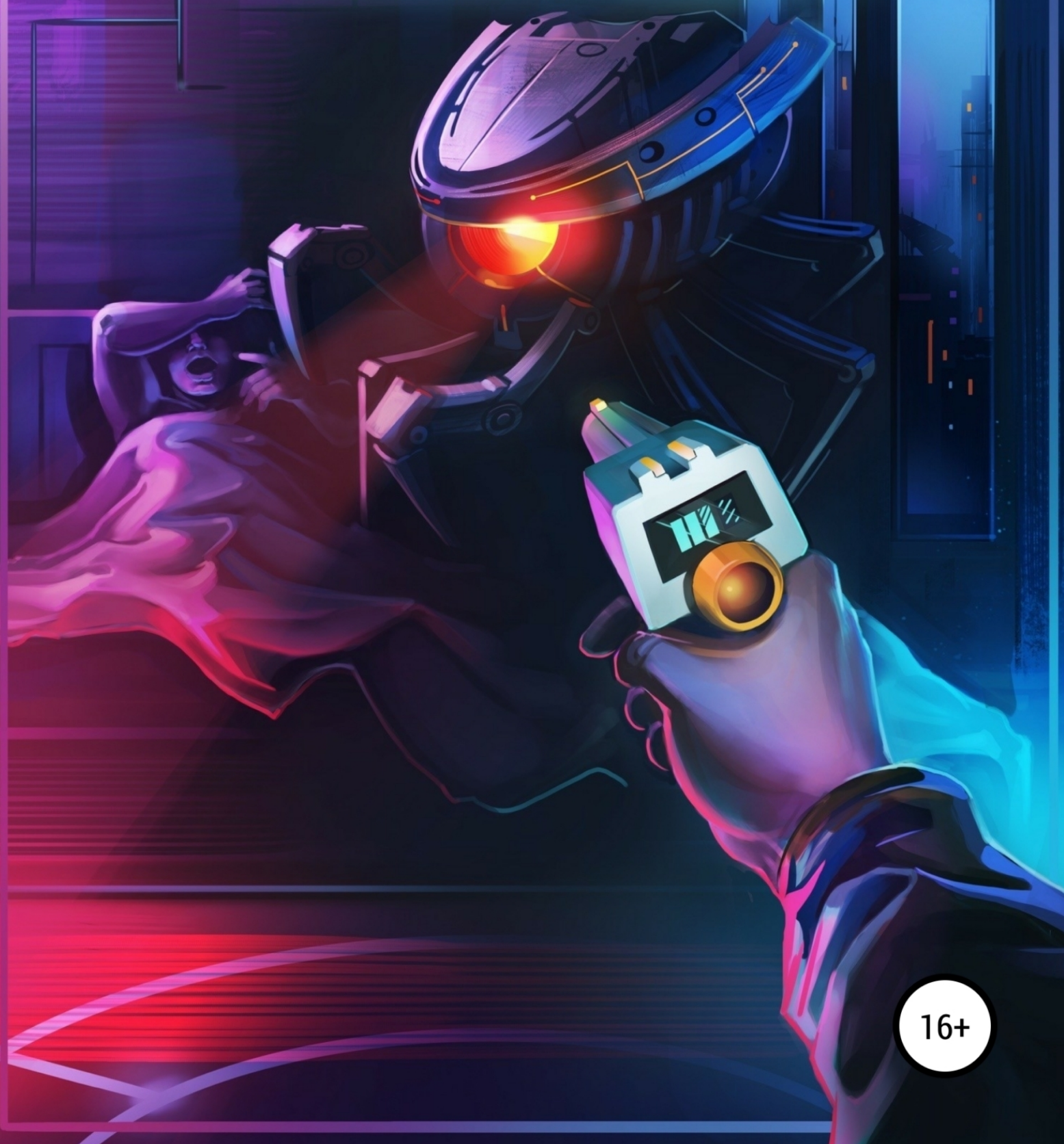

АЛЕКСАНДР АБРАМОВ

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ В СОВЕТЕ ЗЕМЛИ

16+

Александр Абрамов

**Загадочная история
в Совете Земли**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Абрамов А.

Загадочная история в Совете Земли / А. Абрамов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-93300-2

В 2996 году раса людей находится на пике своего развития и влияния во Вселенной, где правит мудрый и справедливый искусственный интеллект. Доктор Брандт и полковник Санди, уже не раз решавшие самые трудные загадки современной Земли, столкнулись с историей, в которой практически нет ни улик, ни свидетелей, а все вокруг считают, что жертва умерла своей смертью...

ISBN 978-5-532-93300-2

© Абрамов А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Смерть советника	5
Глава 2. Неожиданный поворот	14
Глава 3. Взрыв	21
Глава 4. Церемония прощания	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Абрамов

Загадочная история в Совете Земли

Глава 1. Смерть советника

«В наше время есть все, о чем только можно мечтать!» – прочел Филипп Санди на огромном рекламном экране. Буквы мигали всеми цветами радуги, переливаясь на свету, поднимая на новый уровень и без того прекрасное настроение в солнечный денек жителям города К. А их тут было очень много, несмотря на предобеденный час в будний день. А ведь это развлекательный район города К. Стоит ли тогда сделать вывод, что в нем никто не работает?

Конечно, нет.

Полковник Санди улыбнулся надписи, подошел к терминалу под открытым небом и быстро начеркал несколько слов, нажав в конце «Отправить».

«И о чем нельзя – тоже есть!»

– Узнаю ваш почерк, Филипп, – послышался у него за спиной голос доктора Брандта. – Как всегда предсказуем.

На буквы на экране вдруг накинудся огромный оранжевый кот, сожрал их, не жуя проглотил, и уселся, довольный, на краю, облизываясь. Полковник Санди обернулся. У терминала неподалеку стоял доктор Брандт с привычной самодовольной улыбкой на устах.

– Не смог удержаться, простите, – развел руками он.

Кап.

Огромная капля плюхнулась прямо на голову. Полковник Санди пощупал шевелюру и быстро посмотрел на пальцы. Прозрачная. Вода. Слава Богу, всего лишь дождь, а не какие-нибудь голуби.

Вторая.

Третья.

Четвертая.

Капли были очень большие и теплые. Летние.

Кап.

Еще одна, прямо над терминалом, на котором полковник Санди только что писал, не долетев, рассыпалась в воздухе. Жайкай заботливо укрыл терминалы незримым защитным куполом. Множество гуляющих людей заспешили в укрытие.

– Пойдемте, Филипп, – позвал его доктор Брандт. – Жайкай решил перестать баловать нас погожими деньками.

– Не хочу, – крикнул в ответ полковник Санди, поднимая лицо навстречу каплям летнего дождя. К слову сказать, в городе К. почти не бывало каких-то других дней, помимо летних. Вот такой вот теплый и приятный дождь шел так редко, что горожане успевали сильно по нему соскучиться.

Грянул гром. Молния разверзла сгустившиеся облака, и летний дождик превратился в настоящий ливень, в один момент превративший одежду полковника Санди в прилипшую к телу мокрую тряпку. Высокий, под сто восемьдесят шесть сантиметров ростом, с безупречной военной выправкой и густой темной нестриженной шевелюрой, большая часть которой была зачесана назад, а часть небрежно свисала на уши, прикрывая их наполовину. Его добрый взгляд серо-голубых глаз всегда казался уставшим. Скорее всего, он стал таким после всего, что ему пришлось пережить во времена военных операций с галактическими повстанцами, которых за

свои сорок девять лет он провел без малого двести тридцать четыре без единого ранения и благополучно вышел в отставку.

– Филипп, нам уже пора.

– К черту!

– К черту пока рано. Не заставляйте меня затаскивать вас силой.

– Для этого вам придется выйти под дождь, доктор, – усмехнулся полковник Санди. И тут же пошатнулся, чуть не потеряв равновесие. В его ногу впились четыре лапы с острыми когтями. – Келко! – грозно крикнул он. – Отстань! Больно!

Полковник Санди смахнул “агрессивного” питомца и недовольно зашагал к доктору Брандту под навес.

– Не бойтесь, что он заржавеет от подобных ваших выходов? – спросил полковник Санди.

– Его каамолентовый скелет покрыт виренитами и саагоценами, как мясом и кожей. В нем ни грамма железа, почему он должен заржаветь? – невозмутимо сказал доктор Брандт. – Скорее вы сляжете с банальной простудой от таких вот прогулок.

– Одна таблетка, и я здоров. Простуда становится интересней, если лечить ее старыми добрыми способами – горячим чаем с лимоном и малиновым вареньем, медом и сном.

– Филипп, всем этим можно заниматься, и не поражая свой организм инфекцией.

– Инфекция придает особый шарм и дает безусловный повод этому действию, – засмеялся полковник Санди. – Но никак не дает повода для того, чтобы травить на меня Келко и прерывать мое единение с природой. Пойдем, малыш, злой дядя Брандт пытается нас с тобой поссорить.

Полковник Санди потрепал Келко между ушами, тот довольно прищурился и заурчал.

Вообще, изначально Келко был обычным кейсом для переноса различных технических изобретений доктора Брандта, который плыл за ними по воздуху, куда бы они ни шли. Но доктору этого, видимо, было мало, и в один прекрасный день их верный кейс ожил. Он обрел голову под свой размер, уши, глаза, какое-то подобие рта и носа и сравнительно небольшую интеллектуальную систему. Временами он даже был похож на собаку, в которых Санди души не чаял, а порой был типичным котом, которых больше обожал доктор Брандт. Особый шарм ему придавала речевая система из прошлых веков, не издававшая ни единого звука на человеческом языке, только лишь милые урчания. Такая смесь качеств гарантировала Келко безграничную любовь обоих друзей. А он отвечал им тем же по мере своих возможностей.

Полковник Санди развернулся и пошел к месту, где они оставили свой аэромобиль. Келко мягко поднялся в воздух и, приняв позу лотоса, полетел за ним.

– Единение с природой? – воскликнул доктор Брандт, засеменя за ними. – Да вы хоть знаете, откуда льется этот дождь?

– Из облаков, откуда же еще? Вам ответит любой подросток, – бросил полковник Санди, не оборачиваясь. – Любой первоклассник. Да даже в яслях всем об этом известно.

– Вы меня удивляете, Филипп. Столько вас знаю, а вы до сих пор преподносите мне сюрпризы. Какие облака?

– Те белые, на небе. Хотя, сейчас они серые, потому что полны воды.

– Дорогой мой, Филипп, город К. и его жители никогда не увидят ни простых облаков, ни грозových. Жайкай не допустит даже малейшего ветерка, способного пригнать их сюда без его ведома. Я не говорю уже о том, чтобы им самим образоваться здесь.

– Это достоверная информация?

– Более чем. Я как-то раз оптимизировал работу этой программы.

– Этот мир полон иллюзий, – горестно вздохнул полковник Санди.

Они дошли до аэромобиля и запрыгнули внутрь. Машина плавно поднялась в воздух и поплыла вдоль небоскребов, разрезая стену дождя.

– Новости, – скомандовал доктор Брандт.

Полковник Санди расслабился и позволил себе утонуть в мягком кресле. Теплая, мягкая, очень приятная на ощупь кожа сиденья начала едва заметно вибрировать, нагреваться, наполняя теплом все его тело. А ферасмагонитовые лучи за четыре секунды высушили его одежду, не оставив и капли влаги.

«Планета Фапшамрх переживает не самое лучшее время в своей истории. Присоединившись к Империи не так давно и начав жить по ее законам, не все граждане с восторгом восприняли эту идею».

– Дальше, – нахмурился доктор Брандт. – Какая чушь! Каждый раз одно и то же. Разумеется, не все граждане будут рады ассимиляции. Зачем повторять с каждой новой присоединенной планетой одну и ту же новость, снова и снова?

– Не хотят, чтобы мы забывали, какой великий труд стоит за обычным словом «ассимиляция», доктор Брандт, – зевнул полковник Санди. Его, и правда, стало немного знобить. Неужели он-таки заболел? Так быстро?

– Бред.

«Популяция миирских синеносиков резко поползла вверх. Урожай жителей Мииры под угрозой. Стаи обезумевших диких зверей опустошают поля, мелководные реки, небольшие водоемы. Зафиксировано сто двадцать восемь случаев нападения синеносиков на людей, три из которых закончились летально. Правительство планеты в срочном порядке запросило помощи у Империи в безболезненном для флоры и фауны сокращении численности этих диких зверей».

– А эти без ведома Империи и сделать ничего не могут, – возмущенно воскликнул доктор Брандт. – Сокращение популяции решается правительством любой планетой без всяких запросов. Мы избаловали невероятное количество цивилизаций. И вообще, почему транслируют одну никому не нужную ерунду? Кто это слушает? Кого из живущих на Земле могут волновать фермеры с Мииры?

– Как это жестоко с вашей стороны, доктор Брандт, – покачал головой полковник Санди. – Там, между прочим, творятся ужасные вещи, гибнут люди, погиб урожай, планету может настигнуть голод.

– Жайкай вышлет им Б-18 – и полезно, и запас неисчерпаем. Уж чего нам не жалко, так это Б-18. Новости, дальше. Может, мы услышим что-то более земное сегодня?

«Музыканты группы «Чертоги конунга Харальда» открыли благозвучное сочетание инструментов для большинства, если не всех, народов Империи. Двадцать пять участников группы добились успеха благодаря долгим и упорным поискам необходимого звучания, на это у них ушло ни много ни мало тридцать лет. Как утверждает фронтмен группы, главной проблемой для них было подобрать первые три инструмента, а дальше все получалось само собой. Группа записывает дебютный альбом, а критики уже пророчат ему статус величайшего из произведений».

– Интересно, какой земной инструмент вошел в их оркестр, – задумчиво произнес полковник Санди.

– Надеюсь, не ваше любимое пианино, – проворчал доктор Брандт. Он терпеть не мог звуки фортепиано.

«Земля станет местом проведения межпланетной выставки достижений в космическом кораблестроении. Триста шестьдесят цивилизаций представят свои экспонаты. Выставка продлится две недели и примет всех желающих».

– Надо будет обязательно посетить сие мероприятие, – задумался доктор Брандт.

– Посетите, посетите, – полковника Санди уже заключала в свои объятия сладкая дрема. Теплое сидение окутывало его разнежившееся тело. Сон подкрадывался.

– Вы не пойдете? – удивился доктор Брандт.

– Нет.

– Я думал, вам нравятся корабли, думал... Новости, стоп. Еще раз, сначала, – доктор Брандт нахмурился и весь напрягся. Полковник Санди тоже наострил уши. Если доктора что-то взволновало, на это стоило обратить внимание.

«Молния! Совет Земли лишился сегодня одного из своих старейших советников, Пелкера Аарона Дудика. Советник Дудик возглавлял министерство инопланетных дел более тридцати лет и сегодня утром внезапно скончался прямо у себя в кабинете. Причины смерти неясны. Скорбим вместе со всеми».

– Какая утрата, – покачал головой полковник Санди. – Он был приятным человеком.

– Более чем, – хмуро произнес доктор Брандт. – Особенно для того, чтобы быть убитым. Стоп, машина! Летим в Борнеш.

– Откуда вы вечно берете эти сумасшедшие предположения, доктор? – с сомнением спросил полковник Санди. Тем временем аэромобиль развернулся, сделав широкую дугу. – Советник умер, а вы и из этого пытаетесь сделать очередное детективное расследование.

– Интуиция, друг мой, обычно она не ошибается...

– Если учесть ваши последние шесть попыток найти дело там, где его нет – она ошибается чаще, чем вы оказываетесь правы. И что самое ужасное, выставляете меня в дурном свете.

– У меня был личностный кризис.

– Личностный кризис? – переспросил полковник Санди.

– Да, личностный кризис. Я страдал, а вы преувеличиваете и прекрасно знаете об этом...

– И в чем же я преувеличиваю?

– Говорите, что я выставлял вас в дурном свете, хотя это не так – вас никто не заставлял ходить со мной.

– Да вы... – задохнулся от возмущения полковник Санди. – Да вы... просто не имеете совести, доктор Брандт.

– Вы снова преувеличиваете, – довольно улыбнулся доктор Брандт. – Уверяю вас, в этот раз я прав.

– Даже не буду тешить ваше самолюбие и спрашивать, с чего вы вдруг это взяли, – поморщился полковник Санди. – Просто поедем и убедимся в обратном.

– Просто поедем и убедимся, – кивнул доктор Брандт.

Город К. был без преувеличения самым большим и значимым на этой планете и носил гордое звание – Столица Земли. Среди его зданий не было ни одного похожего на другое и ни одного ниже сорока этажей, по крайней мере, в центре. И хоть кто-то и говорил, что город К. – это один большой квадрат, с высоты птичьего полета было ясно виден огромный ромб, который включал в себя много-много маленьких ромбиков. Дороги, улицы, кварталы – все было построено с целью выдержать единую форму. В центре всего этого находился огромный ромб, заключенный в три окружности. Это был Борнеш.

Район, который являлся центром, назвали в честь физика Жюля Борнеша, жившего двести сорок три года назад, чей вклад в науку на тот момент был неоценим. Здесь располагались здания правительства Земли, Верховный суд, Национальные архивы, Международное Управление Полиции и множество других учреждений, влияющих на судьбу планеты и ее статус во вселенной.

Уже при приближении к Борнешу плотная череда домов стала заметно редеть. Этажей в них поубавилось, а архитектурных изощрений становилось гораздо больше. Редкие дома резко сменил густой лесопарк с многообразным количеством различных пород деревьев со всех уголков планеты. Росли в этом разношерстном лесу и единичные экземпляры инопланетного происхождения, включая некоторые, что не могли расти в условиях земной атмосферы. Такие деревья были аккуратно подсвечены синей табличкой: «Для осознания всей ценности научных достижений в современном мире. Ради чести и славы дружбы народов». Далее следовало

подробное описание, в каких условиях растет это дерево на родной планете, и как удалось вырастить его на Земле.

– Обожаю это место, – заулыбался доктор Брандт.

Лесок заредел, среди стволов деревьев стали проглядываться красивейшие кустарники, цветы, фонтаны и дорожки, которые окутывали все словно паутиной. Если оторваться от экрана своего имитанта, можно разглядеть, как солнце пронизывает всю эту красоту, отражается от воды в фонтанах, от дорожек, листьев некоторых деревьев, дает им поиграть новыми красками. Вдруг красота оборвалась, и аэромобиль вынырнул на дорогу с огромными полянами по обе стороны, усеянными вечнозеленой травой. Всего их было двадцать четыре – по двенадцать с каждой стороны. В центре каждой из них били в небо огромные фонтаны, столп воды одного из которых мог достигать пятидесятого этажа здания. Один мощный и высокий, и одиннадцать поменьше. Фонтаны подготавливали несведущего человека к главному зданию на планете – Капитолию.

На прозрачном фундаменте в форме ромба лежал огромный синий шар диаметром один километр двести семьдесят четыре метра. Не самое большое здание на планете, но между тем очень точно ее олицетворяющее. Облицовкой служила точная проекция рельефа Земли. К тому же благодаря прозрачному фундаменту, казалось, что здание парит в воздухе. Подняться внутрь можно было лишь по аэродинамической трубе, что доктор Брандт и полковник Санди и проделали с успехом.

В Капитолии расположилось Правительство Земли. Люди, вершившие судьбы человечества, каждый будний день приходили сюда отдать свой долг родной планете. Внутри было оченьлюдно и шумно. Смерть советника внесла большой переполох в обыденный распорядок дня служащих. Небольшими кучками люди скапливались прямо в холле, что-то оживленно обсуждая, многие сновали между ними с весьма озабоченным видом. Из дальних углов раздавались возмущенные возгласы. Всю эту картину дополняли андройды, пулей проносящиеся каждую секунду, и рой скан-ботов, вьющихся над всеми.

Надо сказать, скан-боты стали неотъемлемой частью жизни не только обитателей Земли, но и граждан всей Империи. Шарообразные дроиды с целой гирляндой ламп вместо глаз, заключенных в единый круг, могли на раз выдать пучок света любого цвета градиента, отсканировать любую область, поверхность и более того – человека. Могли записать отсканированное в двух-, трехмерном формате, а также запахи, температуру и влажность окружающей среды, а потом все это воспроизвести с такой достоверностью, что наблюдающий верил, будто находился там сам. Они являлись массовым средством коммуникации, умели еще множество различных вещей, да и вообще порой являлись приятными собеседниками, несмотря на то что, вместо букв максимум могли выдать что-то на азбуке Морзе.

В Капитолии было довольно много и тех, кто находился здесь через ботов виртуального присутствия – Исмы. С виду такие же шары, как и скан-боты, плавали по холлу, проецируя перед собой объемную мерцающую фигуру человека. Сидя у себя дома, в рабочем кабинете или в любом другом месте, каждый мог через бота присутствовать там, где был нужен или хотел бы быть, даже за миллионы километров от данного места. Весьма удобно. К тому же голограмма, проецируемая Исмой, была совершенно точно копией хозяина. Отличить ее от живого человека можно было лишь по неестественному бледному голубоватому свечению, окутывающему тело, как аурой. На Исмы внимания давно уже никто не обращал, они летали на полметра выше любого человека и были идеальным средством связи людей друг с другом.

Помимо служащих Капитолия Филипп приметил пару полицейских андроидов у лестницы, ведущей к лифтам. И еще около десяти арканийцев, тихо переговаривающихся между собой в самом дальнем углу, что было несколько странно. Видимо, это был кто-то из делегации их посла на Земле. Обычных представителей других рас редко пускали внутрь Капитолия. На улицах их, конечно, пруд пруди, но это же все-таки главное здание Земли.

– Приветствую вас, доктор Брандт, – сказал один из полицейских андроидов, как только они подошли к лестнице. Судя по гравировке на корпусе – сержант. – Полковник Санди, – добавил он, кивнув Филиппу.

– Меня всегда передергивает, когда они так делают, – шепнул Филипп. – Первый раз в жизни нас видит и уже знает кто мы, что мы...

– Вы параноик, Филипп, – нахмурился доктор Брандт. – Уж в ваши сорок с небольшим можно было бы привыкнуть к современному миру.

– Я не параноик, я просто не люблю пристальное внимание. Мое личное пространство принадлежит только мне.

– Сделайте запрос в УИИ с просьбой отключить данную функцию, и все носители искусственного интеллекта перестанут к вам обращаться по имени, полковник, – тихо и спокойно проговорил андроид.

Оба сыщика разом повернули взгляды на него и посмотрели на андроида уже с неподдельным интересом.

– Вас вызвал комиссар? – спросил ИИ, воспользовавшись возникшей паузой.

– Надо будет обязательно узнать, как сделать такой запрос, – пробормотал полковник.

Доктору, безусловно, польстило, что его так сходу узнали. Он даже как будто порозовел щеками. Его тщеславию могли угодить даже андроиды.

– Нет, комиссар только сейчас узнает, что мы прибыли, – улыбнулся доктор Брандт, протягивая руку с имитантом. – Допуск проверите?

– Знаю, что он у вас есть, – спокойно проговорил сержант. – Но протокол требует про- верить у всех. Будьте любезны, доктор. И вы, полковник.

Сержант просканировал их имитанты для определения статуса и пропустил вперед. Двери лифта разъехались. По просторным светлым коридорам они добрались до кабинета советника Дудика. На пути им то и дело попадались андроиды-полисмены, с озабоченным видом куда-то очень-очень спешащие. А у самого входа в кабинет они обнаружили комиссара полиции Клауса Перье со своим новым помощником Зерги Донтелло. Перье был лет на десять старше доктора Брандта, мало эмоционален, скован, с сухостью во взгляде, но отлично выглядел для своих лет. Седые, средней длины волосы придавали ему еще более величественный вид, морщины на лице наделяли мудростью, а три коротких шрама на правой скуле говорили о большом опыте. И это был поистине опытный и мудрый человек, всегда напряженный и переполненный энергией, он был примером подражания для всех полицейских. Его уважали, боялись и беспрекословно слушались.

А вот Зерги Донтелло, казалось, совсем не перенял черты характера своего ментора. Он был скромнен и замкнут, говорил тихо и редко смотрел в глаза. Помощнику комиссара исполнилось двадцать пять, когда он поступил на службу, и уже через год он получил эту серьезную должность. Прошло уже шесть месяцев, и сейчас трудно было бы сказать, сможет ли из него получится хороший полицейский. Филипп все больше склонялся к мысли, что его взяли на службу по какой-то дикой ошибке и вот-вот уберут.

– Доктор Брандт! Филипп! – обрадовался их появлению Перье.

Они крепко пожали друг другу руки.

– Я уж думал сам вам обоим звонить, но, видимо, Гарезинда сделала все за меня, – про- ницательно произнес комиссар.

– Гаре-кто, простите? – переспросил полковник Санди.

– Дочь советника Дудика, Гарезинда Дудик. Вы разве с ней не знакомы? Она подняла здесь столько шума, только сейчас увезли, еле успокоили.

– Не имели честь, – улыбнулся доктор Брандт. – А она могла с нами связаться?

– Вполне. Как видите, я не исключил и такой возможности. После сообщения о смерти советника я сразу приехал сюда, – начал рассказ комиссар. – Уже по дороге мне позвонили и

сказали, что его дочь Гарезинда заявляет об убийстве своего отца. Доказательств у нее не было, только догадки и крики о каком-то заговоре. Когда мы приехали, она билась тут в истерике, пришлось отправить ее в Борнешеский Центр Медицины и Здоровья, все равно добиться чего-то вразумительного от нее было невозможно. А после этого открылся весьма загадочный факт.

– Из-за которого вы оцепили все здание, – догадался доктор Брандт.

– Другого выхода не было, – вдруг вставил Зерги Донтелло.

– Да, больше ничего не оставалось, – пожал плечами Перье.

Он с самого начала выглядел неестественно растерянным, скорее всего, из-за утраты близкого друга. Перье, конечно, пытался не давать волю эмоциям, но попытки их скрыть не приносили успеха. Полковник и доктор в напряженном ожидании смотрели на Перье, а он молчал. Как будто и не собирался продолжать свой рассказ.

– Записи с камер наблюдения исчезли, – неловко закончил за комиссара помощник Донтелло.

Перье устало закрыл глаза.

– Зерги, я вроде бы говорил тебе помочь с допросом андроидов, ты сделал? – сухо произнес он. – Почему ты еще здесь?

– Уже выполняю, комиссар, – вспыхнул помощник, как будто только вспомнил о своем поручении, резво подскочил и ретировался прочь.

– Если бы вы знали, как он меня сегодня раздражает, – все так же устало произнес Перье, когда Зерги Донтелло скрылся из виду.

– Да он меня всегда раздражает, – хмыкнул полковник Санди. – Да и доктора тоже. Только ему природная вежливость постоянно мешает признаться в этом. Уж чересчур скромнен он у вас, комиссар.

– Знаю, – ответил Перье. – Но помощников, как вы знаете, не выбирают. Кого прислали – того и стажирuem.

– Страшно подумать, что этот человек когда-то станет комиссаром, – почти пропел Филипп.

– Давайте вернемся к делу, Клаус, – спокойно попросил доктор Брандт. – Что значит, исчезли записи с камер наблюдения? Как такое вообще возможно? Речь о камерах жайкай?

– О них, конечно, какие еще тут могут быть камеры. Здесь не то что на улицах, в здании просматривается каждый сантиметр, записывается и передается в Национальный Архив, – ответил Перье. – Но перед тем, как попасть в архив, записанное за день хранится на местных серверах. Вот с этих-то серверов они и пропали. Мы оцепили Капитолий, чтобы никто не выходил, всех допрашиваем, кто что видел, кто мог быть причастен. Но толку от этого никакого нет и не будет.

– А что говорят специалисты? – спросил полковник Санди. – Из-за чего такое вообще могло произойти?

– Был тут местный андроид-администратор, он говорил, что такое в принципе невозможно. Ковырялся в серверной, куда-то бегал, что-то искал. В общем, не разобрался ни в чем. Наши техники приехали и пока, по-моему, делают все то же самое. В итоге, никакого результата, никаких ответов, сплошные вопросы. Вопросы-вопросы-вопросы! Еще вообще неясны причины смерти Пелкера, убили его или он сам решил нас всех покинуть, не попрощавшись. Честно говоря, я очень рад, что вы оба здесь, а то у меня уже руки опускаются. Может, хоть вы прольете свет на все, что здесь происходит.

Непривычно было видеть комиссара таким подавленным. Обычно он был твердо уверен в себе и решителен в своих действиях. С советником их связывала крепкая дружба, такая утрата не могла просто пройти, не оставив отпечаток.

– Признаться, я до сих пор не могу поверить, что Пелкера больше нет, мы с ним всегда были хорошими друзьями. Виделись три дня назад – играли в тенгарис, мы каждый вторник

играли в тентарис. Он выглядел просто отлично и как всегда бодро, выиграл у меня семь сетов против пяти. Кто бы мог вообще подумать, что случится такое...

– Мне тоже верится с трудом в его естественную смерть, – кивнул доктор Брандт.

– У доктора Брандта предчувствие, – снисходительно сказал полковник Санди. – Собственно, поэтому мы и приехали без вашего приглашения, комиссар. Нашему гению мерещится очередное убийство.

– Да с чего вы взяли? – вторил ему комиссар Перье. – Оснований на это никаких нет. Медандроиды все проверили, никаких признаков насильственной смерти.

– Я думаю, что советник был убит, – серьезно ответил доктор Брандт. – И исчезнувшие записи жайкай меня лишний раз убедили в моей догадке.

– Доктор Брандт, я вас глубоко уважаю и верю вашему слову, но вы прекрасно знаете, что мне нужны факты, а еще лучше – что-нибудь более существенное, чем просто догадки.

– Я никого не заставляю сломя голову арестовывать первых встречных, – сказал доктор Брандт.

– Вы ищите себе дело на ровном месте, – устало махнул рукой полковник Санди.

– Может, так, а может, и нет. Время нас с вами рассудит, – улыбнулся доктор Брандт. – А пока я бы здесь все осмотрел, вы же не против, Клаус?

– Конечно, нет, доктор, – кивнул комиссар Перье. – Делайте, что посчитаете нужным, я всех предупрежу. С вашего позволения, я вернусь к работе, господа. Только сразу сообщите мне, если что-то найдете.

С этими словами он развернулся и медленно удалился, осматривая все вокруг пустым взглядом. Доктор и полковник смотрели ему вслед.

– Он растерян, – проговорил Филипп.

– Советники не умирают на рабочем месте каждый день, друг мой. А если советник был, ко всему прочему, другом? Любой растеряется, даже такой кремень, как Клаус Перье.

Они зашли в кабинет. Просторный, с большими окнами, столом посередине, компьютером на нем и огромным экраном на противоположной стене.

Тело советника увезли, полицейские андроиды собрали необходимую информацию и уехали, оставив за собой оцепление вокруг стола. Кабинет должен был быть пуст, но, против всех правил, внутри оцепления в огромном кресле за столом сидел человек, чье имя было Расмус Сорбо. Он входил в Совет Земли и отвечал за образование и науку.

– Добрый день, советник, – немного замешкавшись, произнес доктор Брандт.

Но тот был глубоко-глубоко в собственных мыслях и смотрел в одну, видимую только ему, какую-то магическую точку.

– Советник Сорбо, – громко сказал полковник Санди. Тот даже не шелохнулся. – Советник Сорбо! – громче повторил он и несколько раз хлопнул в ладоши.

– Мир теряет лучших, – произнес советник Сорбо, не моргнув и глазом. – Все, что мы делаем, никому не нужно. Здравствуйте, доктор Брандт и полковник Санди, – кивнул он, наконец, подняв глаза. Они были полны слез, но ни одна из них не смела выбраться на щеку. – Я слышал ваш разговор. вы говорили, что Пелкера убили. Это так?

– Подозреваю, что так оно и есть, – ответил доктор Брандт.

– Если вы это утверждаете, значит, так оно и есть. Кто-кто, а вы редко ошибаетесь. Пелкер не мог умереть сам. Не сейчас. Никогда не поверю в его естественную смерть. Сможете узнать, кто это сделал? Хотя, конечно, сможете. Полиция не сможет, жайкай не сможет, а вы сможете. И я вам в этом помогу, как угодно и чем угодно, можете даже не сомневаться. Если что-то понадобится, вы можете рассчитывать на полное содействие Расмуса Сорбо. А потом я сотру в порошок того, кто это сделал. Мы потеряли лучшего из нас!

– Я узнаю правду, – кивнул доктор Брандт. – Но самосуда вам не видать.

Советник Сорбо одарил доктора взглядом, полным злости и презрения. Он медленно встал, расправил одежды, перешагнул через оцепление и молча вышел, забыв обо всех правилах приличия.

– А с этим-то что? – задумчиво произнес полковник Санди.

– Их с Дудиком многое связывает. Даже больше, чем с комиссаром. Они же ровесники. Выросли вместе, вместе учились, вместе вошли в Совет Земли. Зная подробности, я вполне могу понять его горе, рвение и ненависть, – сказал доктор Брандт, приманивая пальцами Келко. – Иди ко мне, малыш. – Дроид заурчал, подплыл к его ноге и потерялся об нее. Доктор Брандт провел пальцем по корпусу на холке, небольшие дверцы разъехались в стороны, и оттуда выплыли пять скан-ботов. Эти шары были не похожи на обычные. Модифицированные доктором Брандтом, они имели не больше десяти сантиметров в диаметре, с красной точкой посередине, словно с зловещим оком, которое подмечало все вокруг. Осмотревшись, они подмигнули оком и уставились на доктора.

– Тщательно обследуйте кабинет советника Дудика, – сказал он им. – Потом серверную Капитолия. Сантиметр за сантиметром, каждую деталь, каждую мелочь, соберите все, чтобы я имел на руках картину целиком. После этого можете возвращаться.

Скан-боты покорно моргнули красным глазом и упорхнули исполнять поручение.

– Справятся минут за двадцать, – вызывающе улыбнулся Филипп Санди.

– Двадцать пять, и ни минутой меньше, – тут же ответил доктор Брандт.

– Не верите в собственные творения, доктор Брандт? – не сходила с лица полковника Санди заискивающая улыбка.

– Наоборот, слишком хорошо их знаю, – ответил доктор Брандт. – А не прогуляться ли нам до местного андроида-администратора, Филипп?

– Ну зачем заниматься двойной работой? Полисмены его уже давно опросили, – закатил глаза полковник Санди. – Пропажа записей жайкай – не более, чем какой-то системный сбой. Техники разберутся, в чем дело, и вернут все на свои места. Как будто первый раз такое случается, ей-богу.

– Согласитесь, совпадение очень подозрительное, – назидательно посмотрел на него доктор Брандт.

– Возможно, – смутился полковник Санди. – Пойдемте, но только для успокоения совести.

– Уверен, ему есть, что нам сказать. К тому же полиция вечно их недооценивает и могла не задать нужных вопросов...

– Да-да-да, – перебил его Санди. – Чтобы получить правильный ответ, нужно задать правильный вопрос. Не затягивайте снова эту волюнку. По крайней мере, для меня...

Доктор Брандт довольно улыбнулся. Никто не знал его лучше, чем Филипп Санди.

Глава 2. Неожиданный поворот

– Они слишком расслабились, – возмутился доктор Брандт по дороге. – Привыкли разбираться во всем с помощью жайкай и совсем перестали обращать внимание на детали. А как раньше распутывали преступления, когда камеры не стояли на каждом углу, в каждом контейнере переработки отходов? С помощью дедукции! Нынешний полицейский никогда такого слова и не слышал. Нет записей с камер – все, мы ничего не можем, дело зашло в тупик.

– Не преувеличивайте, доктор Брандт, – одернул его полковник Санди. – Знают они такое слово.

– Но не знают, как оно пишется!

– Расслабьтесь, доктор. Нет никакого дела.

– Пока нет.

Они встретили искомого андроида возле входа в серверную комнату Капитолия. Он стоял с понурым лицом и недовольно косился на закрытые двери. Увидев доктора и полковника, андроид принял заложенный программой дружелюбный и услужливый вид.

– Доктор Брандт, полковник Санди, – спокойно сказал он, кивнув обоим.

– Могли бы уделить нам несколько минут? Рассказать о случившемся с утра? – спросил у андроида доктор Брандт.

– Не смею отказывать, – развел руками тот. – А рассказывать особо нечего. Я занимался еженедельной профилактикой оборудования в кабинете главы Совета Такано, как с камер наблюдения поступила тревога об остановке сердца советника Дудика в собственном кабинете, о чем я немедленно сообщил советнику Такано.

– Об остановке сердца? – переспросил доктор Брандт.

– Да, – кивнул андроид. – Система наблюдения определила остановку сердца и сообщила об этом.

– Сообщила именно вам?

– Всем дроидам в Капитолии. А в первую очередь тем, кто владеет навыками медицины третьего уровня, и в экстренную службу.

– Вы ими владеете? – спросил молчавший полковник.

– Ими владеют все андроиды, Филипп, – с укором посмотрел на него доктор Брандт. – То есть в этом помещении вас на момент смерти не было? – доктор Брандт указал на двери серверной.

– Не было. Я был наверху, в кабинете советника Такано.

– Хорошо. Что произошло дальше?

– Мы с главой Совета поспешили к месту происшествия. Он протиснулся в кабинет, а меня туда не пустили. Да и зачем бы я там был нужен, когда уже достаточно андроидов оказывали помощь бедному советнику Дудику? Пришлось мне выглядывать из-за спин, но видно ничего не было. Приехала полиция, всех разогнала, их медики диагностировали смерть советника, хотя это было лишнее, наши андроиды сделали это еще до них. Меня попросили показать записи жайкай, потому что их дроиды не смогли получить доступ к записям сегодняшнего утра. Тут-то и выяснилось, что их нигде нет – ни на внутреннем сервере, ни на внешнем, вообще нигде. Они исчезли без следа.

– Исчезли, – повторил доктор Брандт. – Почему вы так уверены? Возможно, что сама запись не велась?

– Исключено, – помотал головой андроид. – По-вашему, зачем тогда здесь я? Слежу, чтобы запись велась постоянно.

– Но, кроме этого, вы выполняете и какие-то другие функции? – снова подал голос полковник Санди.

– Безусловно, – кивнул андроид. – Профилирую оборудование, слежу за работой всех систем, вовремя отправляю отчеты.

– Значит, вы все проверили и пришли к выводу, что записи исчезли, – проговорил доктор Брандт.

– Именно так и было, – подтвердил андроид. – В три часа утра вчерашняя запись отправилась в Национальный Архив, и тут же началась новая. Она велась вплоть до происшествия и сейчас тоже ведется, только сейчас все исправно записывается, а вот все, что было до этого, стерто. Если бы что-то случилось, и запись прекратилась, мне бы тут же пришло сообщение о неисправности.

– Сообщение, разумеется, не прийти не могло, – усмехнулся полковник Санди.

– Совершенно верно, – кивнул андроид.

– А с какого времени запись снова началась? – спросил доктор Брандт.

– С двенадцати тридцати шести.

– А прервалась?

– Исчезло все до двенадцати тридцати шести. В это время я возобновил запись. До этого она будто не велась.

– Сообщение об остановке сердца советника всем дроидам пришло, значит, камеры работали и исправно записывали происходящее. Сообщение о неисправности вам не приходило, что весьма логично, потому что камеры в полном порядке. Это означает только одно: кто-то остановил запись и стер записанное сразу после смерти советника Дудика.

– Это интересно, – воскликнул полковник Санди.

– Кому это могло понадобиться? – пожал плечами андроид-администратор.

– Тому, кто не хочет, чтобы его видели во время смерти советника, – сказал полковник Санди.

– Абсолютно верно, друг мой, – кивнул доктор Брандт. – Убийца не хотел, чтобы его видели рядом с жертвой. И если он не успел убраться до приезда полиции, то до сих пор находится в здании. Что было дальше?

Глаза доктора заблестели, рот слегка приоткрылся, взгляд приобрел легкий прищур. Казалось, что можно приделать к его голове трубу, и оттуда повалит густой дым. Всем своим видом он показывал активную работу мысли.

– Приехали технические специалисты из управления полиции, в моих услугах больше никто не нуждался, как мне сказали, и я вернулся в кабинет советника Такано, доделывать прерванную работу. А когда все сделал, вернулся сюда и встретил вас, – ответил андроид-администратор.

– Занимательно, – проговорил доктор Брандт. Его отсутствующий взгляд будто проходил сквозь андроида. – А такое раньше случалось?

– Никогда! История не знает таких случаев, – растерянно проговорил андроид. – Это просто невозможно. Я ума не приложу, как и куда записи могли исчезнуть. Если это был какой-то сбой, тогда бы просто остановилась запись, что не так часто, но бывает, при этом они бы все остались в хранилище. А тут они исчезли, чего сделать просто не могли, любое проникновение извне тут же включает сигнализацию, которую еще никто во всей Империи не смог обойти.

– Значит, либо здесь кто-то поработал не извне, либо сигнализацию смогли обойти, – все в той же прострации проговорил доктор Брандт. – Думаю, на этом все. Огромное вам спасибо. Пойдемте, Филипп.

И они удалились, оставив озадаченного их появлением андроида одного.

– Вы помните, у нас уже был экземпляр, который блокировал передачу сообщений жайкай дроидам? – сказал полковник, когда они отошли от андроида на приличное расстояние. –

Может, тут произошло то же самое? Запись не велась, а этому администратору просто не приходило сообщение об этом.

– Помню, но тут совсем другой случай, – понемногу приходил в себя доктор Брандт.

В такие минуты Филипп предпочитал его не трогать, боясь спугнуть какую-нибудь важную мысль. Впрочем, несмотря на проявляемую осторожность, такое редко, но случалось.

– Прогуляемся до главы Совета Такано? – осторожно спросил он спустя какое-то время, когда ему надоело петлять по многочисленным коридорам Капитолия в созерцательном настроении.

– Уж не думаете ли вновь завести с ним речь о своей конюшне? – язвительно усмехнулся доктор Брандт, это означало, что он, наконец, окончательно пришел в себя. – Вам мало ваших собак? Тем более в такой-то день, не думаю, что ему сейчас есть дело до этого.

– Разумеется, нет, – презрительно скривился полковник Санди. – Возможно, у него есть какие-то мысли насчет случившегося, может, он что-то знает. Что-то, что развеет все ваши подозрения.

– Если бы он что-то знал, комиссар Перье нам бы уже рассказал, – резонно заметил доктор Брандт, все же сворачивая в сторону кабинета советника Такано. – Хотя комиссар порой не обращает внимания на необходимые детали. Мог запросто пропустить мимо ушей что-нибудь важное, тем более в столь подавленном состоянии. Припомните, он говорил про дочь советника Дудика. Гарезинда, кажется. Она заявила, что ее отец был вовлечен в какую-то интригу в правительстве, значит, глава совета Такано просто обязан об этом знать.

У дверей с горячей табличкой «Глава Совета Земли и Председатель Правительства Закари Моллис Такано» никого не было. Что весьма странно. Обычно за столом в приемной сидел андроид-секретарь, очень услужливый, вежливый и любящий поболтать. Но в связи с суматохой он куда-то делся, поэтому доктор и полковник беспрепятственно встали возле дверей, которые тут же разъехались в стороны.

Посреди комнаты, напротив стола, который занимал треть всего пространства, стояла разгневанная арканийка Аан-Сана Килиси, посол арканийцев на планете Земля. Ростом выше среднего. Ее нежно желтая, как у спелого наливного яблока, кожа будто подсвечивалось невидимой аурой, как и у всех арканийцев, отчего от них, казалось, исходили тепло и радость, словно от маленьких солнышек. У нее были большие черные глаза, продолговатое лицо с острым подбородком и пухлые ровные губы. Волосы арканийцев были намного толще людских, издали они напоминали что-то наподобие человеческих афрокос. У Аан-Сана они были черного как смоль цвета и всегда собраны сзади в роскошный пышный хвост. По людским меркам она была фантастически красива и имела огромное количество поклонников на Земле, хоть и слыла отчаянной стервой в свои сорок пять лет – возраст, считавшийся для арканийской женщины репродуктивным.

Аан-Сана стояла спиной к вошедшим, но по ее тону было ясно, как сильно она рассержена.

– Этого больше не должно повториться! Кахема, Закари? Никогда не смей...

– Мы все успели, никакой катастрофы не случилось, – строгим тоном перебил ее советник Такано. Он стоял спиной к ней и смотрел в занимавшее целую стену окно, за которым открывался прекрасный вид на борнешский сад. Появление доктора и полковника осталось незамеченным.

Советнику Такано было около шестидесяти, и он прекрасно выглядел. Казалось, его лицо с сорока лет не изменилось вовсе. Закари был полон сил, воли и мудрости. Всего пять лет назад он занял пост председателя правительства и совета, сменив скончавшегося от старости Георгия Валенского, а люди уже предрекали ему долгое правление, несмотря на его «юный» для главы совета возраст.

– Да? Тасьма локо джинка! Ви тари апоха... – распалялась Аан-Сана.

– Ничего не хочу слышать! – выкрикнул советник Такано, поворачиваясь лицом к ней. – Я... Доктор Брандт! Полковник Санди!

На его лице мелькнул испуг, уголок губ нервно дернулся. Посол Килиси быстро развернулась и также замерла при виде двух детективов, на ее лице застыло грозное выражение, от которого она казалась еще прекраснее.

– Добрый день, – улыбнулся им доктор Брандт и кротко кивнул.

– Здравствуйте, – с легкой ухмылкой произнес полковник Санди.

– Полагаю, мы вас прервали, прошу нас простить, – сказал доктор Брандт. – В приемной отчего-то никого не было, и мы позволили себе наглость зайти без предупреждения.

– Вы всегда вовремя, доктор Брандт. Не переживайте, Аан-Сана уже уходит, – надел маску доброжелательности глава Совета Такано.

– Мне действительно пора, – будто бы опомнилась посол. – Рада была вас видеть, доктор Брандт. Шасина кана. Надеюсь, мы сможем увидеться в менее напряженной обстановке и пообщаться.

– Я тоже на это надеюсь. Не знал, что вы прибыли на Землю, бри Аан-Сана, – уважительно произнес доктор Брандт аракнийское «мадам», мягко пожимая протянутую руку. – Давно хотел с вами поговорить на одну волнующую меня тему.

– Я прилетела сегодня утром. Слишком много работы, даже в квартиру не удалось заехать, сразу сюда, – смутилась посол. – Как станет посвободнее, я обязательно с вами свяжусь.

– Весьма на это надеюсь.

Посол протянула руку полковнику Санди, они друг другу кивнули, и она стремительно удалилась.

– Ужасный день, – протянул глава Совета Такано, сядя за свой письменный стол. – Такая утрата, я, как и многие, до сих пор не могу в это поверить. Пелкер так много сделал для Земли и землян, был важной частью Совета. Прошу вас, садитесь, – указал он на кресла перед своим столом.

Доктор и полковник незамедлительно расположились в них.

– Теперь всем стоит готовиться к переменам, а нам еще и к суматохе перед очередными выборами, – весомо произнес Такано.

– Разве советник Дудик не оставил преемника? – удивился полковник Санди.

– Оставил, в этом-то и проблема, – воскликнул председатель.

Друзья с интересом посмотрели на него.

– Он указал в своем завещании Соломона Мехту.

Филипп Санди удивленно вскинул брови, доктор Брандт, наоборот, их нахмурил. Такой новости они явно не ожидали.

– Вот именно, – произнес советник Такано, увидев их реакцию. – Час назад я сам был в недоумении и, признаться, оно не оставляет меня до сих пор.

– Не понимаю, – проговорил полковник Санди. – Соломон Мехта уже давно правая рука и преемник у Голоса Народа, советника Сорбо.

– И только в этой роли все жители Земли хотят видеть его.

– Разве может быть один преемник у двух советников?

– Ну, ведь это негласное правило. Среди Совета не принято выбирать кого-то, кого уже выбрал другой советник. Видимо, Пелкер Дудик решил нарушить данную традицию, что весьма и весьма странно – традиции он любил и с честью их соблюдал.

– Какой же вы найдете выход из этой ситуации? – спросил доктор Брандт.

– Мы мало что можем сделать. Все зависит от Соломона, если он согласится – так тому и быть. В любом случае, преемник – это временное решение до выборов в Совет.

– Но, как правило, выбирают все же того, кто служил у предыдущего советника, – задумчиво проговорил доктор Брандт.

– Как правило, – согласился Такано. – Честно говоря, я даже не припомню, чтобы выбрали все-таки кого-то другого, хотя претендентов всегда очень много.

– В этом есть нечто странное, вам так не кажется, Закари? – осторожно спросил доктор Брандт.

– Пелкер был своеобразным человеком, и это известно всем, но такого даже я от него не ожидал. Оставил он нам сюрприз напоследок. А почему вы спрашиваете? Собственно, интересно было бы узнать и причину вашего визита. Если вы по поводу своей конюшни, Филипп, я уже сказал, что сделал все, что мог, остальное зависит только от... – не договорив, он указал пальцем на потолок.

Полковник Санди открыл было рот, чтобы что-то сказать, как вперед него заговорил доктор Брандт.

– Я на девяносто восемь процентов уверен, что советник Дудик был коварнейшим образом убит сегодня утром.

Теперь пришла очередь удивляться Закари Такано.

– Что за вздор вы несете, доктор? Филипп, с ним все в порядке? Нашему доктору не нужен другой доктор? Медицинский? – завалил он вопросами.

– О, как бы я хотел, чтобы это была какая-то болезнь, и после пары таблеток она бы исчезла! – вскинул руки к небу полковник Санди. – Но нет, он абсолютно здоров. Проверяется каждый день раза по три.

– Вы можете шутить и смеяться сколько угодно, но есть лишь два процента, что советник Дудик умер собственной смертью, – уточнил доктор Брандт. – Не стану раскрывать подробности, пока не буду уверен на сто процентов. А пока могли бы вы уточнить для нас ряд деталей, Закари?

– Вы меня пугаете, доктор Брандт, – нахмурился глава Совета Такано. – Я отвечу на ваши вопросы, но это не будет означать, что я разделяю вашу версию. Пелкер был хорошим человеком. Своеобразным, но хорошим. Многие ходили к нему за помощью, и другие советники к нему часто обращались, он был наделен большой мудростью.

– Я думаю, так можно сказать о каждом члене Совета, – улыбнулся доктор Брандт.

Такано улыбнулся в ответ, приняв комплимент.

– Наверное, – сказал он. – В его руках все работало, как часы, и все безропотно выполняли свои обязанности. Руководитель с большой буквы “р”, каких мало. И при этом большинство не переставало его обожать, а остальные уважали его, не переставая. Я говорю это, чтоб вы понимали причины моего недоверия к вашей версии – у него просто не было врагов.

– У других советников, включая вас, все происходит как-то по-другому? – удивился доктор Брандт. – Кругом враги и убийцы?

– Наша работа требует постоянного управления людьми: министрами, послами, судьями и так далее. С кем-то ты ссоришься, и они точат на тебя зуб, кто-то просто хочет занять твое место побыстрее, перепрыгнув через пару голов. В такой обстановке, разумеется, есть и друзья, и враги. Не думал, что мне придется вам это объяснять, доктор Брандт. Так обстоят дела у всех действующих советников.

– У всех, кроме советника Дудика.

– Я хорошо знаю его и его окружение, и я абсолютно, на сто процентов, уверен, что министры в подчинении Пелкера не желали ему зла, даже, как вы говорите, двух процентов сомнения нет.

– Значит, не желали, – задумался доктор Брандт.

– Я уже говорил – они его обожали, – кивнул Такано.

– А его дочь утверждает обратное, – щелкнул пальцами полковник Санди.

– Гарезинда? Что она вам сказала?

– Пока никакой конкретики, – вздохнул доктор Брандт, покосившись на друга. – Лишь только поверхностно о каком-то заговоре против ее отца.

– Ах, вы об этом спектакле сегодня утром, – догадался глава Совета. – Я склонен предполагать, что это была истерика на фоне шока от потери отца. Поверьте, если бы против кого-то из моих советников затевался заговор, я бы точно о нем знал.

– Даже если бы его зачинщиками была другая цивилизация? Или группа цивилизаций?

– Мы величайшая раса в Империи, и, хочется надеяться, что, если бы такой заговор имел место быть, жайкай узнал бы об этом и дал знать нам.

– Как оказалось, жайкай – штука ненадежная, хоть и следит за всем и вся в каждом уголке Вселенной, – хмыкнул полковник Санди.

– Вы про пропажу записей, полковник?

– Именно.

– На это у меня нет ответа. Я не управляю системой слежения нашей Вселенной, только лишь маленьким Советом небольшой планеты, – попытался пошутить глава Совета.

– Ну, то есть, какой-никакой властью обладаете, – усмехнувшись, поддержал его шутку Филипп.

– Не вселенского масштаба, – заулыбался Закари.

Доктор Брандт пристально смотрел на него, прищурившись.

– Интересно, дает ли эта власть возможность убирать ненужные моменты из истории политической жизни Земли? – как будто в никуда спросил он.

– Вы на что намекаете, доктор Брандт? – прорычал глава Совета. Его лицо побагровело от злости, рука сжала металлический подлокотник кресла.

– Я ни на что не намекаю. Пытаюсь мыслить логически. Зная Еву и ее боязнь резонанса в обществе...

– Даже не договаривайте, доктор Брандт, – глава Совета вскочил со своего места. – Я вас предельно уважаю, но ваши фантастические идеи порой переходят все границы!

Повисло тягостное молчание. Доктор Брандт, нахмурившись, смотрел в одну точку, куда-то на край стола, а глава Совета и полковник Санди напряженно смотрели на него. Доктор Брандт явно пытался изобразить сконфуженность. Филипп знал – это игра. Его лицо могло выражать все что угодно, но, если в глазах бегал этот шальной огонек, как сейчас, доктор Брандт внутри торжествовал.

– Если это все, господа, я бы приступил к своим обязанностям, – не выдержал долгого молчания Закари Такано.

– Да, я думаю, все, – проговорил доктор Брандт. – Пойдемте, Филипп.

Выйдя из кабинета, они шли еще некоторое время в тишине, пока расстояние не стало безопасным.

– Доктор Брандт, вы же в курсе, что я знаю этот ваш взгляд?

– Безусловно, Филипп.

– Тогда рассказывайте, откуда он взялся!

– Глава Совета явно что-то скрывает, но это единственное разумное объяснение пропажи злополучных записей. Ставлю что угодно, у него есть такая возможность, и он ею воспользовался. Сбой в жайкай – полнейший бред.

– Что ж, в этом есть определенный смысл. Политика порой не нуждается в огласке. И наделить главу Совета возможностью выбирать, что записывать, а что нет – логично. Вопрос только – почему этим не занимается сам жайкай? Вселенская паутина с интеллектуальной системой наблюдения, неужто она не способна сама фильтровать, что записывать, а что нет?

– Вот, это главный вопрос, на который еще предстоит найти ответ.

За разговором они свернули в очередной коридор, как к ним тут же подлетел рой скан-ботов.

– Двадцать пять минут сорок три секунды! Я выиграл! – все также хмуро произнес доктор Брандт, глядя на имитант. – Минус два часа из вашего недельного брэнчания на этой машине ужаса.

– Эй, – возмутился Филипп. – Мы даже не спорили!

– Вы отрицаете факт моего выигрыша? – сурово посмотрел на него доктор Брандт.

– Я отрицаю факт нашего спора, – ответил полковник Санди. Спорить с доктором в таком состоянии было бесполезно. Поэтому Филипп даже не стал предпринимать попыток это сделать.

– То, что мы не пожали друг другу руки, еще не значит, что мы не спорили. Вы его сами же спровоцировали, между прочим, – хмыкнул доктор Брандт. – Пора ехать, мы уже и так пропустили обед.

Глава 3. Взрыв

За двести сорок три километра от города К. раскинулся огромный жилой поселок Старсберг. Дома выше трех этажей считались бесполезной роскошью и транжирством, поэтому во всех семейных населенных пунктах, в том числе и Старсберге, они были маленькие, но уютные. Каждый дом занимала лишь одна семья. Выросшие дети редко оставались жить с родителями, предпочитая отдельную квартиру в городе, а когда обзаводились собственной семьей, получали право переехать в отдельный дом.

Особняк доктора Брандта и полковника Санди был в некотором роде привилегией, которую им позволили только из-за их выдающихся заслуг перед обществом Земли. У них был обычный дом, как у всех, ни больше, ни меньше, только занимать его было разрешено им вдвоем, не имея семей, и находился он на расстоянии десяти километров от основного населенного пункта. Расстояние это с каждым годом сокращалось в угрожающем их холостому существованию темпе, что приводило в шок и трепет доктора Брандта – он очень ценил их привилегированную уединенность. Она якобы позволяла ему глубже уходить в себя, когда вдохновение охватывало его.

Доктор Брандт и полковник Санди сидели в просторной гостиной, за столом, полным экзотических инопланетных вкусов и кулинарных изощрений Каспера — их андроида-дворецкого.

– Сегодня ты превзошел сам себя, Каспер! Мясо прямо тает во рту, – довольно произнес доктор Брандт, уминая за обе щеки жаркое из кролика-патанша. Он вернулся в доброжелательное расположение духа и уже успел рассказать Касперу обо всем, что сегодня произошло.

– Вы мне говорите это почти каждый день, сэр, – с благодарностью кивнул Каспер в ответ.

– А мог бы каждый, – язвительно усмехнулся доктор Брандт.

– Значит, мне еще есть куда стремиться, – покорно согласился Каспер.

Он собрал лишние приборы со стола и унес их. Филипп, как обычно, молча жевал вкусную еду, пребывая далеко в своих мыслях и надеясь, что его друг не начнет какой-нибудь очередной нудный застольный разговор.

– Гарезинда, – произнес доктор Брандт, сначала на несколько секунд замерев. С ним случалось такое, когда какая-нибудь мысль вдруг начинала им овладевать, и ни о какой другой, кроме нее, и думать не мог.

Филипп молчал, все еще надеясь, что это была лишь кратковременная вспышка.

– Гарезинда, – вновь повторил доктор. – Что это за имя такое вообще?

– Арканийское, – поняв, что от разговора не увильнуть, ответил полковник Санди. – Я уже посмотрел. Довольно интересное, не правда ли? Означает «сильная волей и духом». Судя по лицу, оно ей чрезвычайно подходит.

– Вы уже и профиль ее найти успели. Все так ужасно? – усмехнувшись, посмотрел на него доктор Брандт.

– Не то слово, – округлил глаза Санди.

– Гарезинда Дудик, – медленно и протяжно произнес доктор Брандт. – У советника совсем отсутствовало чувство юмора. Я, конечно, понимаю, что ввиду своей деятельности он часто имел дела с арканийцами. И, назвав свою дочь их именем, он только еще больше расположил их к себе. Но... Гарезинда Дудик! – доктор Брандт обреченно покачал головой. – Бедная девочка, чего ей только не пришлось пережить в школе.

– Убежден, она с достоинством прошла через все, что выпало на ее долю, – сказал полковник Санди, разрезая на маленькие кусочки сочный бифштекс из мяса, название которого он был не в силах произнести, даже читая его по бумажке.

– А вам не показались странными слова Такано, Филипп? – спросил доктор Брандт, отправляя сочный кусочек в рот.

– Речь его была довольно убедительна, а его ответы не вызывали подозрений, – пожал плечами полковник Санди.

– Не бывает такого, – твердо заявил доктор Брандт. – У человека должны быть враги. Вы знали советника Дудика?

– Не близко. Он, конечно, очень приятный человек. Добрый. Добрее его я, наверное, никого не встречал, но враги есть у всех.

– А я знал его очень даже хорошо. И он действительно производит впечатление человека, с которым невозможно поссориться. Такой дедушка-божий одуванчик. Но не могу не согласиться с вами, друг мой, речь Такано была убедительной. Кроме ответа про врагов – на его должности они есть у всех. Должны быть у всех. Ну или завистники. Значит, Такано не знал врагов Пелкера, и он никудышный глава Совета, или он скрыл это от нас и тогда участвует в заговоре, о котором кричала эта Гарезинда. Правду мы узнаем, только когда докопаемся до нее.

Доктор Брандт отложил вилку в сторону и промокнул губы салфеткой.

– Опять вы со своим расследованием, – проворчал полковник Санди. – Я в этом участвовать не собираюсь. Пустая трата времени!

– Вам придется, Филипп. Мона!

– Чем могу помочь, доктор Брандт? – раздался из ниоткуда мелодичный женский голос, который принадлежал системе управления их домом. Она была разработана и установлена самим доктором Брандтом, и полное имя ее было Мона Лиза дель Джокондо.

– Набери Гарезинду Дудик. Только звук, – сказал доктор Брандт.

– Идет набор, подождите, – почти пропела Мона. Но ожидание затянулось, на звонок никто не отвечал.

– Ее же забрали в Борнеш, доктор Брандт, – заметил полковник Санди. – Скорее всего, накачали успокоительными.

– Похоже, вы правы. Мне интересно, о каком заговоре она упоминала. На ум просится сразу несколько версий. Но они требуют тщательной проверки. Я хочу взглянуть на тело советника!

Морг находился в большом Центре Медицины и Здоровья, буквально на въезде в Борнеш. Он состоял из восьми корпусов, которые расположились в глубоком-глубоком лесу вокруг широкого озера, нависая над ним, словно древние массивные глыбы. Автомобиль подвез их к нужному корпусу уже через двадцать минут после того, как они закончили обед. А вот внутри доктору Брандту, полковнику Санди и их верному Келко пришлось прибегнуть к помощи бота-информатора, без которого они никогда в жизни не смогли бы отыскать нужное отделение, поскольку доктор Брандт категорически не воспринимал скейтболлы – диски на магнитной подушке, что переносили людей в пункт назначения точно и быстро. По длинным извилистым коридорам пришлось идти пешком, долго, вызывая недоумевающие взгляды встречных людей, со скоростью проносящихся на скейтболлах мимо пешеходных полос. До морга они шли на три минуты дольше, чем ехали до самого Центра Медицины. И вот сладко улыбающийся доктор Брандт и раздраженный полковник Санди стояли у стойки приемной, за которой находились двери в обитель мертвых.

– Чем могу быть полезен, джентльмены? – приветливо улыбнулся им андроид-регистратор, стоящий за стойкой.

– Мы хотели бы взглянуть на тело советника Пелкера Дудика.

– Увы, ничем не могу помочь. Вход только официальным лицам, строго по допуску, – без тени извинения в голосе отчеканил андроид.

– В какой-то степени, мы являемся официальными лицами, – сказал доктор Брандт, протягивая свою руку с имитантом. – Вот мой допуск.

– Этих искусственных не поймешь, – тихо проворчал полковник Санди. – Где надо, они тебя не узнают.

Андроид-регистратор провел своей ладонью поверх имитанта доктора Брандта и на мгновение застыл.

– Вы удовлетворены? – нетерпеливо спросил доктор Брандт.

– У вас допуск ААА, – прокомментировал андроид.

– Именно, – кивнул доктор Брандт.

– Этого недостаточно. Я все равно не могу вас пустить, – отрезал андроид.

– Что за чушь?! – начал закипать доктор Брандт.

– Здесь стоит пометка – «Только с разрешения Заведующей».

– Какая еще пометка? Статус ААА дает нам право находиться в любой части этого заведения без каких-либо разрешений.

– Ничего не могу с этим сделать. Раз есть пометка, значит – не разрешено, – невозмутимо отвечал андроид-регистратор.

Полковник Санди со злорадной улыбкой наблюдал за происходящим. Картина вырисовывалась презабавнейшая. Доктор Брандт, которому природная вежливость не могла позволить разговаривать грубо даже с машиной, с одной стороны. И этот андроид-регистратор, с каким-то программным сбоем или ошибкой – с другой. Наконец-то появилась возможность насладиться сладкой местью за все мучения, которые полковник Санди сегодня перенес благодаря доктору, и он решил не вмешиваться.

– Тогда зовите свою заведующую, и побыстрее, – стиснув зубы, произнес доктор Брандт.

– Не могу, – все также невозмутимо ответил андроид-регистратор.

– Это еще почему?

– Мне приказано ее не беспокоить.

Такой ответ привел в недоумение даже Филиппа. Впервые искусственный интеллект не пустил их куда-либо и на все предложения отвечал отказом. Нонсенс чистой воды! Келко, отличавшийся от других андроидов особым интеллектом, недовольно зафырчал.

– Вы даже с машиной умудряетесь поспорить, доктор, – устало сказал полковник Санди после минутной немой сцены. – А еще меня обвиняете в любви к спорам. Хватит препирательств, пошел он к черту!

Он решительно направился к дверям и приложил свой имитант к сенсору дверной панели.

– Простите! Но вам туда нельзя! – громко воскликнул андроид.

Но было поздно, на панели уже загорелась синим светом надпись: «Доступ разрешен», и двери разъехались в разные стороны.

– Прошу, – жестом пригласил войти доктора полковник.

– Давно бы так, – хитро улыбнулся тот.

– Простите! – восклицал вслед робот, выходя из-за стойки.

Их было уже не остановить. Доктор и полковник быстро вошли внутрь просторного светлого помещения с большим столом посередине и шкафами за ним. Слева у стены стоял чайный столик с двумя креслами, два комнатных дерева и медиатека. А правая стена, видимо, полностью была отведена под проекционный голограф и медиасистему. За ними мягко вплыл Келко, а уже следом просеменил робот-регистратор.

– Вам сюда нельзя! – кричал он.

– Что здесь происходит? – раздался справа женский голос.

Все разом посмотрели в ту сторону. Там стояла девушка лет тридцати пяти, с ярко-фиолетовыми волосами, собранными в пучок на макушке, в белом халате и юбке того же цвета.

Только скопившиеся вокруг глаз мелкие морщинки выдавали ее возраст. Она удивленно осматривала присутствующих в ожидании ответа.

– Доктор Гриссом, я пытался их остановить, они меня не послушали. Им сюда нельзя! – жаловался андроид-регистратор, выбегая вперед всех.

– Кто вы такие?

– Я – доктор Брандт, а это – полковник Филипп Санди, – протягивая ей руку, доктор улыбнулся своей самой завораживающей улыбкой. Его глаза горели от интереса: эта женщина определенно была в его вкусе.

– Доктор Эмили Гриссом, – протянула она свою руку. – Как вы вошли сюда?

– У меня и моего коллеги есть доступ ко всем муниципальным учреждениям на Земле, – будто бы извиняясь, пожал плечами доктор Брандт. – Нам необходимо взглянуть на тело советника Дудика.

– Это какая-то дополнительная проверка? Я понимаю, что он член Совета Земли, но ставить мою работу под сомнение, по-моему, весьма оскорбительно, особенно учитывая тот факт, что министерство здравоохранения само умоляло меня перейти в это отделение.

– Что вы! Никаких дополнительных проверок. Нам лишь необходимо убедиться в одной сугубо важной детали...

– Какой? Я так понимаю, вы тоже врач? – допытывалась доктор Гриссом.

– О нет, – за улыбкой доктора Брандта скрывалась легкая сконфуженность, в то время как Филипп за его спиной едва подавил смешок в собственный кулак. Доктор Брандт хорошо это скрывал ото всех, но был весьма тщеславным человеком. И очень переживал, когда его знаменитую персону не узнавал новый собеседник. Особенно если этот собеседник был женского пола. – Я скорее специализируюсь по наукам. Доктор технических, физико-математических и химических наук, если быть точным.

– Сразу в трех областях? – удивленно вскинула брови Эмили Гриссом.

– Никак не мог выбрать, какая мне больше по душе, в итоге решил изучить сразу все, – смирился с положением вещей доктор Брандт.

– Тогда я не совсем понимаю, зачем вам тело советника?

– Вот видите! Я же говорил – вам сюда нельзя! – в очередной раз предпринял отчаянную попытку андроид-регистратор, про которого все уже и думать забыли.

Все разом недовольно посмотрели на него.

– Так, МП-120! – строго произнесла доктор Гриссом. – Перестань кричать и перебивать людей. Что ты себе позволяешь? Вообще, отправляйся-ка на свое рабочее место, чтоб тебя видно не было.

Андроид совсем сник, развернулся и медленно вышел из комнаты.

– Вы уж меня извините, – сказала доктор Гриссом. – Моего Масти забрали на ежегодную профилактику, обновление и повышение квалификации. Всегда с трудом переношу неделю без него. Когда его нет, я будто совсем без рук. Этот, – она мотнула головой в сторону дверей, – хоть и похож на него как две капли воды, но только внешне. Они два совершенно разных андроида.

– Они самообучаемы. Вам бы следовало почаще привлекать его к работе, – произнес до сих пор молчавший Филипп.

– Знаю, но ничего не могу с собой поделаться, – впервые за время посмотрела на него доктор Гриссом. – Как только Масти возвращается, этого я выключаю и запираю в дальней подсобке – с двумя сразу работать мне неудобно.

– Поручите Масти его обучение, – слегка наклонившись к ней, будто по секрету, сказал доктор Брандт.

– Я об этом не подумала, – улыбнулась Эмили. – Надо будет обязательно попробовать. Так зачем вы здесь, джентльмены?

– Я, если можно так выразиться, частный детектив, – сказал доктор Брандт и с улыбкой, в отместку, добавил, – а мой коллега – полковник на пенсии. Есть подозрения, что смерть советника Дудика была не вполне естественной. Мы хотели бы осмотреть его тело. Не волнуйтесь, все необходимые на это допуски у нас имеются.

– Я видела тело, – задумчиво произнесла доктор Гриссом. – Следов насильственной смерти нет. Первичное сканирование не выявило ни ядов, ни болезней – абсолютно ничего.

– Раз так, отчего же тогда он умер? – спросил доктор Брандт.

– Сердце остановилось. Его ресурс еще не был исчерпан, но такое случается. Редко, но случается. И, к сожалению, у современной медицины нет ответа на вопрос, почему так происходит. Сердце функционирует, качает кровь, все отлично, а потом все. Как будто кто-то там наверху сказал «Стоп-машина!».

– Впервые слышу, чтобы у современной медицины не было ответов на какой-то вопрос, касающийся землян, – хмыкнул полковник Санди.

– Полагаю, мой коллега прав, – кивнул доктор Брандт. – Если вам известны подобные случаи, вы должны рассказать о них, потому как, скорее всего, и там произошли убийства.

– Боюсь вас огорчить, но последний подобный случай был порядка тридцати лет назад. Тело, по которому можно было хоть что-то определить, давно отправлено на небо.

– Очень жаль. Печально знать, что где-то среди нас ходит убийца, которого еще не поймали. В связи с этим, искренне прошу вас показать тело советника.

– Я весьма сомневаюсь, что вы что-то найдете. Поймите меня правильно, джентльмены, для осмотра вам необходим допуск ААА и мое разрешение. Он все-таки был советником.

– Допуск имеется, – кивнул ей доктор Брандт, протягивая руку с имитантом для проверки. – А разрешение мы надеялись получить от вас, не прибегая к запросам в жайкай.

– Хорошо, – кивнула доктор Гриссом, проверив статусы их обоих. – Подождите здесь, я вернусь через мгновение.

Она вскочила и скрылась за дверьми справа от стола.

– Очень даже интересная женщина, – не скрывая восхищения, произнес доктор Брандт, глядя ей вслед.

– Ну, еще бы, – прыснул Филипп.

– Что?

– Нет, ничего, – еще больше засмеялся полковник.

– Если вы намекаете на мою небольшую сконфуженность, Филипп, то она связана исключительно с ее утонченным шармом.

– Конечно, – протянул полковник. – Признайтесь, доктор, вы были удивлены тем, что она вас не узнала. Сам доктор Брандт, великий и неповторимый, явился пред ее взором, а она вместо – «Ах, вы тот самый...», сказала – «А вы врач?», – расхохотался полковник.

– Нет.

– Нет? То есть, вы были готовы к такому? – вовсе издевался полковник Санди.

– Мое замешательство было вызвано только ее изяществом, – был непреклонен доктор Брандт.

– О да. Вы уходите от ответа. Значит, я абсолютно прав. Обязательно расскажу Касперу, уверен, он неделю будет от смеха кататься и еще долго будет подавать чай с ухмылкой.

Ответить доктор Брандт не успел, вошла Эмили Гриссом и почти торжественно сказала:

– Прошу вас, господа.

Они двинулись следом за ней по длинному коридору, который заканчивался внушительных размеров помещением с расположенными по периметру вереницами овальных дверей. Посередине стоял операционный стол с нависшим над ним проекционным сканером. На столе лежал уже охладевший труп советника Дудика.

– Если нужно, я могу еще раз запустить полное сканирование тела, – сказала доктор Гриссом.

– Это лишнее, – отрезал доктор Брандт.

Они подошли к столу. Обнаженное тело советника уже успело налиться синевой. Далеко немолодое, доброе лицо было наполнено безмятежностью и усталостью. При жизни Пелкер Дудик славился своим мудрым радушием, так и умер с умиротворенным видом, с улыбкой на лице. Как будто в последний момент понял, что прожил жизнь не зря, что, наконец, вырывается на свободу.

Доктор Брандт снял шляпу и протянул ее Филиппу. Туда же последовал и плащ с пиджаком.

– Келко! – воскликнул он, засучивая рукава. – За работу!

Дроид мигнул своими голубыми глазками и подлетел к спине доктора. Уткнувшись лицом между его лопаток, он разошелся на две части точно посередине и стал быстро раскрываться, как бутон цветка. Механические лепестки обволокли плечи доктора, предплечья, кисти рук и, окутав каждый кончик пальца, замерли. Со стороны они были похожи на рукава с перчатками, сшитые между собой за спиной. И все это было выполнено из обонезийской стали – самого прочного и легкого сплава во Вселенной.

На лице Эмили Гриссом было написано нескрываемое удивление.

– Мне кажется, я где-то вас видела, – неуверенно произнесла она.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся доктор Брандт, подмигнув ей. На что Филипп с явным недовольством покачал головой. – Приступим.

Он нажал на край механических рукавов справа у себя на шее, откуда плавно выехал тонкий наушник и наделся ему на ухо.

– Скан-бот! – сказал доктор Брандт.

Из наушника забрезжила синяя дуга света, обволакивающая его глаза подобно очкам. Доктор Брандт вытянул руку ладонью вверх, и на ней из ниоткуда появился шар с красным глазом. Скан-бот вспорхнул над телом советника. Из его глаза вылилась широкая полоска красного света, которая крупной сеткой окутала тело советника.

– Это же военные технологии, – тихо сказала доктор Гриссом.

– Не совсем, – ответил полковник Санди. – В основном, что-то подобное используют ассимиляторы, перед тем как высадиться на неизвестной планете. Но даже это сравнение слишком грубо описывает Келко.

– Келко? – улыбнувшись, переспросила Эмили Гриссом.

– Келко, – кивнул Филипп. – Не смотрите на меня так. Имена своим творениям доктор Брандт дает сам, никого не спрашивая. Но, как ни назови, а без Келко мы как без рук.

Тем временем Доктор Брандт вынул откуда-то из рукавов маленькую продолговатую пилюлю. Взял ее кончиками пальцев и бесцеремонно засунул в правую ноздрю покойного советника.

– Что вы делаете? – воскликнула Гриссом.

– Мы ничего не узнаем без внутреннего сканирования, – произнес доктор Брандт, задумчиво впиваясь взглядом в тело советника через экран очков. – Если советника убили, мои охотники найдут причину, какой бы она ни была.

– Но... – хотела было прервать его доктор Гриссом.

– На самом деле это очень ускорит весь процесс, – стал успокаивать ее полковник Санди. – Плюс гарантированно выявит ряд признаков, которые скроются от скан-бота и вашего аппарата. Не переживайте, эта процедура пройдет без последствий, капсула растворится в его теле через полчаса.

Доктор Гриссом успокоилась. Или сделала вид. Но больше она ничего не спрашивала и стояла с холодной отстраненностью от них.

– Келко, покажи мне проекцию тела.

Точная копия советника повисла в воздухе в метре от него, вращаясь вокруг своей оси. Доктор Брандт внимательно всматривался в нее, временами приближая интересующие его участки. Он оглядел все тело сантиметр за сантиметром, потом тихо сказал «кровеносная система», вид проекции сменился, показав нужную картинку. За ней последовала нервная система, внутренние органы, скелет. На все это безмолвное изучение ушло не меньше двадцати минут.

– Весьма занятно, – наконец произнес доктор Брандт.

– Что такое? – спросил Филипп.

– Судя по всему, наш советник абсолютно здоров, – печально ответил доктор Брандт.

– Как я и говорила, – хмыкнула доктор Гриссом. – Печальный факт, но вам придется его признать – остановка сердца случается в современном мире, по необъяснимым причинам.

– Это невозможно, – нахмурился доктор Брандт. – Должны быть следы болезни, очаги воспаления, вирусы, либо повреждения тканей, опухоли или следы яда, во всей вселенной нет яда, который не выявили бы мои охотники. Даже те, что находят на только что открытых планетах, сразу исследуют и заносят в общую базу данных, к которой у меня есть доступ.

– Если вы так уверены, проверьте еще раз, может, ваш бот неисправен, – пожала плечами доктор Гриссом.

– Да, доктор Брандт, – подхватил полковник Санди. – Может, охотники дали сбой? Попробуйте еще раз.

– Охотники в порядке, – нервно ответил доктор Брандт. – Раз причин нет, значит, мы не там ищем. Или не то...

С этими словами доктор Брандт пристально посмотрел на скан-бота и кивнул в сторону головы покойного советника. Шар мигнул красным светом. Теперь он летал, просвечивая небольшие участки тела своей сеткой.

– Что-то я не понимаю, как такое возможно? – недоумевал Филипп. – Я, конечно, много всего повидал, но чтобы вообще никаких следов...

Доктор Брандт как будто его не слышал. Вслед за скан-ботом он внимательно изучал каждый участок тела советника. Что, впрочем, Филипп посчитал лишним. Ну разве он может разглядеть что-то, чего не найдет бот? Полковник посмотрел на Эмили. Та все еще, видимо, не могла простить им капсулу в носу её «пациента», стояла, нахмурившись, и смотрела на доктора Брандта. Похоже, что и его действия казались ей излишними.

– Так я и думал, – протянул доктор Брандт. – Скан-бот, сюда!

Шар немедленно к нему подлетел и принялся сканировать то место, на которое указывал доктор. Полковник и доктор Гриссом удивленно оживились. Доктор Брандт стоял возле лодыжки советника и внимательно ее изучал.

Внезапно раздался громкий хлопок, и скан-бот с шипением заискрился желтым пламенем. От него повалил густой и противно пахнущий дым. В тот же момент доктор Брандт схватился за голову и рухнул на пол. Его трясло, он пытался оторвать от ушей наушники, из которых даже другим был слышен ужасающе резкий противный свист.

– Келко! – оглушительно крикнул он. – Келко, де... деактивация!

Полковник Санди бросился к нему. Схватив за дужку наушника, он с силой дернул ее на себя и вырвал с корнем вместе с системой визуализации. Тем временем скан-бот выдал широкую струю красного света и упал на пол, развалившись на части.

– Что это было? – спросил полковник Санди, подавая руку доктору, чтобы тот смог подняться.

– Подтверждение моих слов, – буркнул доктор Брандт. – Келко, деактивация! Вы безжалостно вырвали его кусок, между прочим.

– Всего лишь небольшой клочок. Дома приделаете обратно.

Келко тем временем полностью трансформировался обратно в милого щенка и свернулся калачиком в воздухе, с извиняющимся взглядом понурил голову.

– Прости, дружок. Надеюсь, тебе не больно, – потрепал его по макушке полковник Санди.

– Скорее всего, он до сих пор в шоке, как и я, – предположил доктор Брандт, вновь уставившись на лодыжку мертвого советника.

– Что, черт возьми, вы тут устроили?! – взвизгнула доктор Гриссом. – Вы хоть понимаете, что здесь лежит Советник Земли? – спросила она, делая акцент на слове “советник”.

– Он уже мертв, ему все равно, – сказал доктор Брандт, не отрываясь от своего занятия. – Видите, здесь царапина? Едва заметная. Она почти затянулась.

Полковник Санди подошли к нему и склонились над ногой советника. А доктор Гриссом осталась стоять в стороне, испепеляя их обоих гневным взглядом.

– Он умер, поцарапав лодыжку? Вы издеваетесь? – она была вне себя от злости.

– Да, доктор, очнитесь. Это простая царапина, – сказал полковник Санди.

– Вы правы, – вдруг согласился доктор Брандт. – Это царапина.

– Прошу вас, господа, убирайтесь отсюда, пока я не вызвала охрану.

Глава 4. Церемония прощания

– Бота просто разорвало своим же лучом, – сказал доктор Брандт, когда они летели в автомобиле домой. – Своим же собственным лучом. Свет, что он посылал, возвратился обратно с огромной скоростью. От переизбытка суэт-энергии в нем прожгло дыру и повредило его внутренний мозг. Охотники что-то нашли, Филипп. Хотите – верьте, хотите – нет.

– Может быть, бот был слишком старый? Когда последний раз он у вас проходил профилактику?

– Бот был абсолютно новый.

– Значит, еще слишком сырой, и в нем что-то перемкнуло, – стоял на своем полковник Санди.

– Вы не хотите воспринимать очевидных фактов, да? Охотники нашли истинную причину смерти советника Дудика, и тем самым мы обнаружили себя. Оно уничтожило охотников, развернуло суэт-энергию в скан-бот и использовало связь с охотниками, чтобы оглушить меня. Разве это не очевидно?

– Доктор Брандт, я не хочу показаться грубым, но, по-моему, вы до сих пор не отошли от шока.

– Вы упрямы, как баран, друг мой. Советник Дудик был убит оружием неземного происхождения. И остается еще большой вопрос, каким путем его провезли на Землю.

– У вас пока нет никаких доказательств, кроме собственных догадок и взорванного бота.

– Собственных догадок мне достаточно.

– К сожалению, их недостаточно для комиссара Перье.

– Озвучивать их я буду далеко не ему.

Дома они плотно поужинали вкуснейшим гаспачо из шавочильских помидоров, после чего доктор Брандт, как всегда в это время, заперся у себя в лаборатории, где свершались все его грандиозные открытия и конструировались великие изобретения. Филипп, наконец, мог использовать эту возможность, чтобы расслабиться и подумать о произошедшем за день во время игры на своем любимом инструменте.

«Машина ужаса», или «аппарат смерти», или «самое ужасное изобретение человечества» – это лишь часть эпитетов, которые доктор Брандт подбирал для старого оригинального рояля Бехштейн, практически раритета, стоящего в общем зале на втором этаже. Филипп просто обожал его и не упускал ни одной лишней минуты, чтобы посидеть и посочинять за ним новые музыкальные произведения. Мир музыки перевернуло появление огромного разнообразия инструментов со всех обитаемых планет Вселенной. Представители рас, уже давно вступивших в состав Империи, объединялись в оригинальные группы, пытаясь найти то самое звучание, которое хорошо бы ложилось на ухо любого народа, но слишком разный диапазон слуха делал эту задачу не такой уж простой. И вот сегодня утром появилось сообщение о том, что какая-то группа нашла именно то звучание. Что ж, нужно еще посмотреть, что из этого вышло.

Пока остальные гнались за модой и технологиями, Филипп консервативно отдавал предпочтение старой доброй классике. На эту тему у них постоянно возникали споры и разногласия с доктором: тот категорически не переносил звуки фортепиано в своем присутствии, мотивируя это своей детской психологической травмой. Якобы его мать, известная на всю Вселенную пианистка Кассандра Брандт, еще с малых лет заставляла его ежедневно по несколько часов в день упражняться на этом «аппарате смерти», и с тех пор у него выработалась на него стойкая аллергия. Долгие споры привели лишь к одному компромиссу – Филипп может сколько угодно музицировать в отсутствие доктора Брандта в доме, и лишь шесть часов в неделю, когда он

находился дома. По его словам, это тот предел, который его уши способны стерпеть. Однако Филипп был великолепно осведомлен о расписании доктора Брандта, и спокойно предавался любимым звукам фортепиано, когда тот находился вне зоны досягаемости – у себя в лаборатории или во время променада в саду.

Он увлекся игрой на добрых два часа, как услышал пронсящее мимо громогласное «Ла-ла-ла-ла!». Филипп замер в ожидании, задержав пальцы над клавишами, и, спустя лишь пару минут начал снова осторожно играть. Как тут же в ответ раздалось то же самое «ла-ла-ла», а мимо него из одного конца зала в другой пронесся доктор Брандт, заткнув уши пальцами. Это был верный признак надвигающегося скандала. Филипп закрыл крышку рояля и спустился вниз.

Он застал доктора у самого выхода, тот куда-то собирался.

– Что за детский сад вы там устроили? – спросил полковник Санди.

– Не хотел, чтобы всякий смрад проникал в мои уши.

– Вы что, уходите, доктор Брандт?

– Да, сегодня должен состояться интересный вечер в «Мантолин-Рай».

– Я думал, вы останетесь дома, порефлексировать над сегодняшним днем.

– Над ним я уже поразмыслил, мой дорогой друг. Я бы и рад поделиться с вами своими умозаключениями, но, во-первых, вы, как всегда, поднимете на смех все мои доводы, а, во-вторых, у меня появились неотложные дела, поэтому отложим все разговоры до завтра, – сказал доктор Брандт и приторно улыбнулся.

– Неотложные дела в «Мантолин-Рай»? Это же обычная вечеринка.

– Точнее, вечер встреч господ и дам, кто хочет провести его в приятной компании за интересной беседой.

– Называйте это как хотите. Но могли хотя бы ради приличия позвать меня с собой.

– Чтобы снова услышать вежливый отказ? Такие места созданы не для вас, друг мой, там слишком много женщин. До встречи.

И, быстро кивнув, доктор Брандт выскочил из дома.

Он был удивительно обаятельным человеком, способным очаровывать и влюблять в себя, невероятным, магнетическим образом действуя на женщин! При всей своей карикатурной внешности – невысокого роста, с залысиной, сутулый и с внушительных размеров животом – он был фантастически притягательным человеком, излучавшим обаяние интеллекта. В интеллигентном обществе он слыл роковым мужчиной, не раз уведившим завидных красоток из-под носа типичных эталонов мужской красоты. При этом с каждым своим новым увлечением он обходился крайне учтиво, стараясь подарить хотя бы толику своей любви, и всегда расставался только на положительной ноте.

«Наверняка и сегодня доктор Брандт отправился за новым объектом вождения», – с завистью подумал Филипп. В этом плане они были абсолютными противоположностями. Хотя полковник обладал и харизмой, и внешностью, и ростом настоящего мужчины, ему удивительным образом не везло с женщинами. К своему стыду, в свои годы он робел и уходил в себя, оказавшись рядом с мало-мальски симпатичной особой. Было ли это связано с его прошлыми неудачами на любовном фронте, или природной особенностью, или же ими вместе взятыми, могло быть известно лишь психологам, к которым полковник упорно отказывался идти.

Пользуясь отсутствием своего гениального друга, Филипп решил провести время в свое удовольствие: наигрался вдоволь на рояле, гулял с собаками, которых у него было аж пять штук. Пять австралийских овчарок удивительных окрасов скрашивали его мысли в минуты хандры. Вот и в этот раз полковник вернулся домой в приподнятом настроении, закрылся в кабинете доктора Брандта, налил себе виски со льдом и закурил кассабарийский табак.

Так и не дождавись доктора, уже за полночь он лег спать. А наутро застал того с вечносияющим и свежим лицом за обеденным столом, поглощающим свой завтрак.

– Вы опять курили эту отраву вчера, Филипп, – провозгласил доктор, едва заметив его. – Каспер всю ночь проветривал комнаты, и все равно не смог избавиться от этого омерзительного запаха. Словно тысячи маленьких противных фей лезут ко мне в нос с такими же маленькими острыми топориками и устраивают там войну за господство над моим обонянием.

– Вы преувеличиваете, доктор Брандт, – улыбнулся полковник, садясь за стол. Каспер тут же поставил перед ним тарелку с дымящимся завтраком.

– Ничуть, – возмутился доктор Брандт. – Если бы вы не курили эту гадость, сами бы так же говорили. Это невыносимо.

– Как прошел вчерашний вечер в «Мантолин-Рай»? – быстро сменил тему Филипп.

– Замечательно, – улыбнулся доктор Брандт и замолчал.

Филипп смотрел на него в ожидании, а тот даже и не думал начинать свой рассказ. Подобное поведение было несомненной мезой за их с Каспером насмешки, которые они постоянно лили на него.

– Бог мой, рассказывайте, доктор Брандт! – воскликнул Филипп. – Я же вижу, вам не терпится все нам поведать.

Доктор Брандт смерил его взглядом, и, видимо, решив прекратить притворяться обиженным, сказал:

– Я встретил там Эмили Гриссом.

– Какая неожиданная встреча! Так это поэтому вы так резко собрались и отправились в «Мантолин-Рай», даже не позвав меня, – догадался полковник Санди. – Посмотрели в жайкай, где она будет этим вечером, и, забыв обо всем, отправились туда?

– Нет, увидел приглашение на ее рабочем столе. О, Филипп, я восхищен этой женщиной, – закатил глаза доктор Брандт.

– И что, на этот раз она вас узнала?

– Мы очень мило побеседовали, и я проводил ее до дома, – пропустил колкость мимо ушей доктор Брандт.

– Вот как. А как же та ваша ученая, с которой вы даете эпистолярному жанру вторую жизнь?

– С Женей мы даже ни разу не виделись. Она превосходный человек и женщина великолепная, но мне ее поведение кажется крайне подозрительным. Уже три месяца она не может найти время для нашей встречи. Сильно сомневаюсь, что у геологов такой напряженный график работы. В этот раз она улетела куда-то в туманность Аш-син и не выходит на связь уже несколько дней.

– Может, перебои в жайкай, говорят, за пределами пояса Киаметерчи сеть появляется от случая к случаю, – предположил Филипп. – Так она геолог?

– Именно.

– Теперь понятно, почему она так заинтересовалась вами.

Доктор Брандт вопросительно посмотрел на него.

– Ей очень интересен песок, который уже давно сыпется с известного детектива, – захотал Филипп.

Доктор Брандт не сдержал улыбку.

– Тем не менее, – поспешил он сменить тему. – Эмили оказалась прекрасным человеком и весьма начитанным собеседником. Она знаток своего дела, настоящий профессионал и, похоже, души в нем не чаает. Что, впрочем, странно, учитывая, чем она, по сути, занимается. Постоянно иметь дело с трупами. Боюсь, в выборе этой профессии кроется масса комплексов.

– И загадок, – не преминул вставить слово Филипп, намекая на его страсть к загадкам.

– Я уверен, она окажется еще более интересным человеком, если копнуть глубже, – с удовольствием произнес доктор Брандт.

Филипп и Каспер настороженно замерли.

– И пригласил ее в гости в воскресенье, – закончил доктор Брандт.

– Снова за свое, – пролепетал Каспер.

– Вы неисправимы, доктор Брандт, – воскликнул Филипп.

– Возражения не принимаются, – самодовольно улыбался тот. – Каспер, у нас осталось еще мизурийское вино и те скользкие твари с Ваххаммета, которых ты уже давно грозился жарить на углях, уверяя нас, что это чертовски вкусно?

– Вина нет, сэр, – невозмутимо ответил андроид. – Но я сделаю заказ, хоть наш месячный лимит практически иссяк. А цикули, именуемые вами скользкими тварями, лежат в камере и ждут своего часа.

– Как это иссяк? Еще даже половина месяца не прошла, – удивился доктор Брандт.

Каспер растерянно посмотрел на полковника Санди. Тот пожал плечами и уткнулся в тарелку с десертом.

– Филипп, вам бы пора сокращать дозы принимаемого горячительного. Наши месячные лимиты тают на глазах, как видите. И это при том, что они рассчитаны на двоих.

– Ой, вы все равно не почти не пьете, доктор, – отмахнулся Филипп. – Честно говоря, порядком раздражают все эти лимиты. Уже даже до такой степени, что хочется снова вернуться к товарно-денежным отношениям.

– Увы и ах, мой дорогой друг, – улыбнулся доктор Брандт. – Деньги канули в небытие уже четыре века назад. Чему я несказанно рад, кстати говоря.

– Чему же тут радоваться? Мы едим ровно столько, сколько нам разрешают. И если даже что-то очень хочется, придется ждать до нового заказа через три дня. А я не хочу через три дня. Я вот прямо сейчас хочу.

– Ну, в этом случае, вы всегда можете сходить в ресторан.

– Да, но тоже только один раз в день. Эти электронные паразиты по жайкай в ту же секунду оповещают все рестораны, что мне на сегодня уже хватит. А я, может быть, еще хочу.

– А это уже жадность и расточительство.

– Как ни называйте, а мы не свободны в собственных желаниях. Раньше в этом плане было проще, согласитесь. Пошел на работу, получил деньги, потратил, на что захотел, и счастлив.

– А вот это как раз и породило жадность и расточительство, – покачал головой доктор Брандт. – Увы, не соглашусь с вами, Филипп. Вы, видимо, забываете, какой ценой порой доставались эти деньги, и куда из-за них ушла человечность из людей. Свободы не должно быть так много, особенно, когда она – лишь иллюзия. Да и вообще, вспомните, каким был мир тогда. И каким он стал сейчас. И благодаря чему это все произошло, и что случилось бы, если бы не упразднение товарно-денежных отношений. Да человечество же воспряло после этого.

– Оно воспряло после создания Евы, – поправил Филипп.

– Нет. Ева стала лишь способом решения проблемы. Тем самым правителем, которому люди смогли всецело довериться. Идеей, если хотите. Идеей, которая вдохновила всех повернуть свою жизнь на правильный путь, на истинный путь развития и процветания. И посмотрите – это сработало.

– Роботизированной идеей, – вскинул брови вверх полковник Санди.

– Бросьте, Филипп, – отмахнулся доктор Брандт. – Я знаю, вы не из тех змееголовых, кто кричит на каждом углу, будто правительство искусственного интеллекта – это унижение человеческой расы, скудоумие, потеря нравственности и вообще страшный смертный грех. Человечество еще никогда не было так высоко в своем развитии, как сейчас. И рост влияния ни на секунду не замедляется, а развитие с каждым новым годом набирает все большие темпы.

– Кстати, она сегодня будет на церемонии прощания с советником Дудиком, – хоть как-то попытался сменить тему Филипп, уже жалея, что затеял весь этот разговор.

– Кто? Ева? Откуда такая уверенность?

– Прочел в утренних новостях. Вам пора бы тоже начать их читать, доктор. Хоть будете в курсе последних событий.

– Если я начну читать их, зачем мне будете нужны вы, Филипп? – ехидно заулыбался доктор Брандт.

– Ну, спасибо, доктор. Весьма любезно с вашей стороны, – засмеялся в ответ полковник.

– Нам тоже следует туда пойти.

– Не сомневался, что вы так скажете.

– Отдадим дань уважения прекрасному человеку, а заодно посмотрим на того, кто осмелился поднять на него руку.

– Даже если предположить, что советника действительно убили, неужели вы думаете, что он настолько глуп, чтобы появиться на похоронах своей жертвы?

– Уверен, что это кто-то из его ближайшего окружения. К сожалению, его ближайшее окружение – это весь руководящий состав Земли, подозреваемых более чем достаточно. Поэтому мы просто обязаны держать свои глаза открытыми, и убийца непременно покажет себя.

Церемония прощания проводилась, как и обычно, в сквере Единства Народов, который располагался на окраине Борнеша. Это был редкий, но высокотехнологичный лесок, пронизанный узкими улочками и дорожками. Сплошь и рядом он был усеян скейтроллами, которыми любой мог воспользоваться для прогулки между деревьев. Всезнающие статуи, которые отвечали на любой твой вопрос, дроиды для игры в Ксенах, исматеатры для просмотра фильмов на свежем воздухе, андроиды, сочетающие в себе мима, фокусника и акробата, и многое другое. Усыпанный фонтанами, мягкими лавочками и памятниками величайшим людям Империи, сквер раскинулся на десятки километров. Но стоило только леску заредеть, как взору представлялась главная достопримечательность – монумент Единства Народов. Столп человеческой, арканийской и нарьям-кар архитектуры. Три параллельных земле круга переплелись между собой, образуя в центре трилистник, и парили в воздухе, преодолевая силу тяготения. На каждом круге светилась надпись, какой из трех рас он принадлежит. Этот символ создавал основу для остальной конструкции. На него можно было подняться, прогуляться, потрогать светящуюся обонезийскую сталь. Колечки же поменьше обвивались вокруг контура каждого круга, не задевая его края, и так же парили в воздухе, но перпендикулярно земле. Таких колечек была масса, на каждом стояла светящаяся гравировка одной из рас Империи, тех из них, что были открыты первыми. Когда места на контуре основных колец не осталось, открытые вновь расы стали цеплять к уже имеющимся. Так выстроилась череда цепей, уходящая высоко в небо, напоминая всем о том, как безгранична Вселенная и велика Империя.

Довольно часто в сквере проходили концерты, народные гуляния и особо важные мероприятия, будь то митинг в поддержку жителей Мииры или, к примеру, прощание с одним из любимейших людей в Совете Земли среди народа. Во время них трилистник, образующийся в трех кругах, вздымался вверх, образуя сцену для выступлений. Сегодня в середине этой сцены стояла капсула с телом советника. Окутанная белыми порттьерами, она парила в воздухе и кружилась вокруг своей оси, показывая всем тело и лицо лежавшего внутри советника Дудика.

Людей было очень много. Они полностью заняли три основных кольца монумента, а те, кто не поместился, наблюдал издали, с пригорков и холмов. Еще больше было скан-ботов, которые целым роем летали над сквером «Единства народов». Такое событие ни один новостной канал ни одной из галактик пропустить не мог.

Первым делом доктор Брандт выпустил трех скан-ботов, чтобы они записали всю церемонию с разных ракурсов. Неподалеку они заметили комиссара Перье с верным помощником Донтелло. Они стояли поодаль от основного скопления людей и пристально всматривались в толпу.

– Что они пытаются там увидеть? – нахмурился полковник Санди.

– У меня есть предположения на свой счет, но думаю, что лучше спросить у них самих, – проговорил доктор Брандт.

Не успели они сделать и двух шагов, как за их спинами послышался приглушенный голос.

– Доктор Брандт и полковник Санди! Каждая встреча с вами для меня – подарок судьбы.

Друзья обернулись. Перед ними стоял посол народа нарьям-кар на Земле, Шахр Заби Кунхтар-сан. Высокий, с коричневой жесткой кожей, усыпанной большими трещинами, как на сухой земле. Глаза ярко-зеленые, волосы густые и мягкие, длинные, заплетенные в косу.

– Посол Кунхтар-сан, – прищурился доктор Брандт.

– Если бы вы родились на нашей планете, вас бы носили на руках. И она всегда готова принять вас в свои сыны, – чарующе улыбнулся посол, протягивая ему руку.

– Боюсь, не смогу даже посетить вашу великую планету, – извиняющимся тоном произнес доктор Брандт, пожимая его ладонь. Она была очень шершавой и сухой. – У меня космофобия, мне становится плохо еще на вылете из стратосферы.

– Нарьям-кар чтит героев, которые способны побороть свои страхи, – не унывал Шахр, протягивая шершавую ладонь полковнику Санди, но даже не посмотрев на того.

– Не сочтите за оскорбление, но доктор Брандт даже ночное небо переносит, с трудом сдерживая рвотные рефлекссы. А быть героем посмертно – удовольствие почетное, но малопривлекательное, – весело обратил на себя внимание полковник Санди. Его всегда забавлял этот тип. Каждый раз, когда они натыкались на посла нарьям-кар, он зазывал их поселиться на его родной планете. Видите ли, он считал, что такие гении, как доктор Брандт, непременно должны находиться на «величайшей планете Вселенной». Доктор Брандт тем временем постоянно находил отговорки от этого мероприятия. Сегодня вот причиной стала космофобия.

– Не претендую на ваши мировоззрения, – тут же успокоился посол Кунхтар-сан. – Но не сказать вам этого моя совесть не позволила.

– У вашей совести всегда развязывается язык при виде нас, – не унимался полковник Санди. – Не переживайте, мы привыкли.

Шахра не так легко было смутить. Народ нарьям-кар всегда и везде верил в собственную правоту, переубедить их в чем-то было очень сложно. Что им до шуток каких-то людей.

– Она говорит, потому что она есть, полковник Санди. Прошу меня простить, господа, но меня ждут на сцене. Мы могли бы переговорить после церемонии?

– Всенепременно, – улыбнулся доктор Брандт.

– О, только если вы этого хотите, – кивнул полковник Санди.

И посол, коротко кивнув, удалился.

– Вы постоянно над ним подтруниваете, Филипп! – строго сказал доктор Брандт.

– Он на это даже внимания не обращает.

– Но все запоминает.

– И, надеюсь, никогда не забудет.

– Осторожнее, друг мой. Нарьям-кар мстительны по природе своей.

– На Земле мне ничего не грозит, а на их планету я пока не собираюсь. Был там, и не раз, скучное место и сухое, как их кожа. Б-р-р. Так что, боюсь, послу Кунхтар-сан придется в одиночестве давиться собственным холодным блюдом.

– Вы же знаете, что он предлагает мне, а вас зовет только потому, что вы всегда рядом.

– Ах, простите. Вам он может предлагать сколько угодно, пускай только от меня отвяжется, – задорно улыбнулся Филипп.

Тем временем, церемония прощания была близка к своему началу. Народ прибывал. И вскоре к сцене с капсулой умершего невозможно было протиснуться. Совет Земли в полном составе вместе с родственниками советника Дудика расположился непосредственно рядом с капсулой, перед широкой прозрачной трибуной. Послы с других планет, кто лично, а кто через

исму, образовали ближний круг, вперемешку с культурными и известными общественными деятелями Земли. Прямо за ними, без какого-либо разделения, стояли простые люди, кому судьба советника была небезразлична. Среди них было очень много и подданных арканийской империи. Арканийцы и советник Дудик сразу нашли общий язык, его часто называли «мостом» между Аркари-рарирай и Землей.

– По традиции, все желающие будут произносить прощальную речь. По той же самой традиции, их наберется немало. Ставлю на главу Совета Такано, – хитро прищурился полковник Санди. Они заняли место поодаль от монумента Единства Народов, на возвышении, откуда открывался великолепный вид на всю церемонию. Слышно и видно было предельно четко – основное действие проектировалось в увеличенном масштабе прямо над сценой, среди уходящих в небо цепей монумента.

– Это будет господин Сорбо, друг мой, – прищурился доктор Брандт, продолжая разглядывать толпу. Ни одна из мельчайших деталей обычно не могла укрыться от его глаз. И сейчас его взор был устремлен на трибуны, к ближайшему окружению советника. – Слишком глубоко его задела смерть друга. Помните, как рьяно он рвался стереть в порошок убийцу в кабинете.

– Пустые угрозы – последствие шока, – пожал плечами полковник Санди, внимательно всматриваясь в главу Совета Такано. – Видите, как нервничает Закари? Хотя подобные церемонии ему не впервой, он активно потеет и не знает, куда деть руки. Прямо как мальчишка. Весьма подозрительно, не находите?

– Господин Такано явно из-за чего-то переживает, – кивнул доктор Брандт. – И объяснение тут может быть только одно – появление Евы на церемонии.

– А причем тут она? – удивился Филипп. – Регулярное общение с ней – это часть его работы.

– Это единственное разумное объяснение, – пожал плечами доктор Брандт. – И спорю на что угодно – его нежелание встречаться с Евой вызвано пропажей записей из Капитолия. Кто это слева от капсулы?

– Та, что приложила к ней руку, как будто хочет взять Дудика за руку? – уточнил Филипп. – Его дочь, Гарезинда Дудик. А справа от нее – ее мать, бывшая жена советника, Селестин Дудик.

– Ее-то я как раз знаю. Весьма миловидная женщина, в юности имела громадный успех у мужчин, я полагаю. Но Гарезинда... – доктор Брандт запнулся. – Как вы и говорили, Филипп, полностью соответствует своему имени. Даже удивительно, как у столь прекрасной женщины и такого статного советника могла вырасти она.

– Думаю, они сами не ожидали, – усмехнулся полковник Санди. – Кстати, вы в курсе, почему они с советником развелись? Причем так тихо, что я узнал об этом спустя лишь полгода.

– А информации нигде и не было. Тайна, которая до сих пор тревожит всех. Кроме меня. Кстати сказать, я думаю, она начнет тревожить народ с новой силой ввиду последних событий. Даже удивительно, что никто так и не догадался. Это настолько очевидно. Я думал, разговоры пойдут уже сразу. Ан нет! Даже вы не поняли, мой дорогой Филипп.

– Так вы все-таки знаете, – осуждающе посмотрел на него полковник. Доктор Брандт лишь пожал плечами и загадочно улыбнулся. – Но откуда?

– Всего лишь заметил несколько деталей. А потом спросил у советника, и он подтвердил мою догадку.

– Тогда скажите и мне!

– Двадцать часов выжимания звуков ада из вашего, так называемого, инструмента минусом, и я расскажу вам все тайны семьи Дудик, которые знаю, – засиял доктор Брандт.

– Это шантаж! – возмутился Филипп. – Обойдусь без подробностей, пожалуйста. Но знайте, что вы поступаете как минимум бессовестно!

– По-другому было бы неинтересно, – прищурился доктор Брандт.

Заиграла прощальная музыка, и тихие голоса в толпе стихли, а взгляды устремились на трибуну. Как из ниоткуда по левой лестнице стал подниматься женский силуэт в облаке синего света, исходящего из серебристой овальной исмы. Народ замер в благоговейном трепете. На трибуну вплыла Ева, так редко балующая своим реальным присутствием простой народ. Впрочем, реальным такое присутствие можно было назвать лишь с натяжкой, все-таки она была проекцией исмы. Но другого, кроме как виртуального, вида у нее не было и быть не могло. Она была одета в длинные белые одежды, а густые золотистые волосы спускались до поясницы и были заплетены в огромное количество кос. Острый подбородок и правильные черты лица наделяли ее божественной красотой. Лицо и тело традиционно были человеческими. Отдавая дань своим создателям, она появлялась в образе человека Земли всегда и везде, даже в отдаленных уголках Вселенной, на встречах с другими расами. Чтобы каждый понимал, что хоть она и руководит действиями Империи, создана она была людьми с Земли.

Ева поднялась на сцену и встала рядом с советником Такано, что-то ему шепнув. Тот угрюмо кивнул в ответ. Публика смогла оторвать взгляд от Евы, только лишь когда к трибуне вышел Соломон Мехта, помощник Голоса Народа советника Сорбо. Молодой парень лет тридцати, с печальным взглядом, от которого его лицо становилось самым доверительным из всех, какие только можно было встретить. Он встал перед трибуной и обвел взором народ, собравшийся у монумента Единства Народов. Ни Филипп, ни доктор Брандт, не угадали – церемонию открывал он, и всем не терпелось узнать почему.

– В этот печальный день я хочу поприветствовать всех вас здесь и сказать вам спасибо, – спокойно произнес Соломон Мехта. – Вас так много! Спасибо за то, что вы все сегодня пришли почтить память этого замечательного человека. Я знал его еще с моей учебы в академии, и мне до сих пор не верится, что больше не услышу его мудрых речей. Именно он научил меня терпимости. Как и многие, в юности я считал оскорбительным активное присутствие арканийских подданных в наших родных краях. Именно Пелкер Дудик раскрыл мне глаза и перевернул мое мировоззрение. Когда я впервые его увидел, то тут же рассказал о своих изысканиях, о том, что арканийцы пытаются просочиться в Совет, разрушить влияние землян во вселенной, перетянуть одеяло на себя и стать самой могущественной расой в Империи. Он ответил: «Нельзя верить в то, что ты только видишь. Земляне и арканийцы неразрывно связаны друг с другом с самого начала. И сколько длится наша дружба, столько ведутся разговоры о разрушении этих прочных связей». Я тогда очень оскорбился, назвал советника идиотом, раз он не видит очевидного у себя под носом, прямо в Совете Земли. Я был зол на него, отчасти из-за этого я пошел на факультет языкознания. Ничуть об этом не жалею, но за ту злость мне стыдно до сих пор. Даже после того, как мы узнали друг друга лучше, после того как я просил у него прощения за свою опрометчивость, мне было стыдно за это и стыдно до сих пор.

Соломон Мехта всегда говорил прямо и открыто, ничего не боясь. Как настоящий Голос Народа, он передавал мысли и идеи общественности как есть, на злобу дня. Только в нем все видели будущего преемника советника Сорбо, только ему прочили его место.

– Я не зря вызвался выступить первым, – продолжил Мехта. – Эта почетное право принадлежит главе Совета Такано. Но мы с ним переговорили и решили, что будет лучше, если я выступлю в самом начале, так будет честнее по отношению к Пелкеру и к вам. Я готов исполнить его последнюю волю и встать на место исполняющего обязанности советника внешней политики до тех пор, пока не пройдут выборы в Совет. А пока обязуюсь до конца оставаться преданным своему народу и добросовестно выполнять возложенные на меня обязанности.

Мнение присутствующих разделилось. Они стали изредка переглядываться, кто-то одобрительно кивал, кто-то морщился и мотал головой, а некоторые, коих было меньшинство, не отреагировали ровным счетом никак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.